

Виталий Полищук

**Незримое,
или Война
в иномирье**

*Монасюк А. В.:
Из хроник
жизни —
удивительной
и многообразной.
Книга вторая*

Виталий Полищук

**Незримое, или Война в
иномирье. Монасюк А. В.:**

**Из хроник жизни – удивительной
и многообразной. Книга вторая**

«Издательские решения»

Полищук В.

Незримое, или Война в иномирье. Монасюк А. В.: Из хроник жизни – удивительной и многообразной. Книга вторая / В. Полищук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749653-1

А. Монасюк получает щедрый дар от трех богатейших людей планеты. И просьбу о помощи. Монасюк едва не гибнет, но побеждает и обретает в результате не только достаток, осуществление всех своих юношеских чаяний, но главное — любовь и преданность красивейшей женщины, как две капли воды похожей на голливудскую актрису Орнелу Мутти.

ISBN 978-5-44-749653-1

© Полищук В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1-я	7
Глава 1-я	9
Глава 2-я	14
Глава 3-я	21
Глава 4-я	30
Глава 5-я	36
Глава 6-я	40
Глава 7-я	47
Глава 8-я	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Незримое, или Война в иномирье

Монасюк А. В.: Из хроник жизни – удивительной и многообразной. Книга вторая

Виталий Васильевич Полищук

Персонажи книги, места действия и события – плод вымысла автора.

Все совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

© Виталий Васильевич Полищук, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимой 2004 года берега многочисленных архипелагов Океании, а также побережье Юго-Восточной Азии накрыла огромная волна цунами. Погибло более 200 тысяч людей – местных жителей и туристов, убытки от разрушений составили миллиарды долларов.

Все газеты писали, что вот уже много лет подобного бедствия этот регион планеты не испытывал, хотя катаклизмы, подобные имевшему место здесь иногда случались. На дне океана именно в этом районе планеты проходит линия разлома земной коры, а такие места всегда – сейсмически неустойчивы. Здесь часты подводные землетрясения и извержения вулканов, идет постоянный процесс донного горообразования. В результате – исчезают старые и появляются новые острова.

Из заметки в газете о-ва Рождества «Ежедневные новости»:

«Как сообщили члены экипажа самолета, совершающего регулярные рейсы «О-в Рождества – архипелаг Того-Паго», южнее архипелага Того-Паго они наблюдали в океане новый, ранее не существовавший остров. Это скалистое образование, с двумя вершинами и пологим основанием.

Командир экипажа, Калои Сарон, рассказал в интервью нашему корреспонденту, что они несколько раз облетели остров и заметили, что к нему со стороны Того-Паго плывут десятки лодок и катамаранов. Очевидно, местные жители решили обследовать остров, пока никто не объявил его своей собственностью и не ввел ограничения на посещение новой территории».

Июнь 2007 года

Анатолий Монасюк, бывший учитель муниципальной школы, с недавних пор – пенсионер, а следовательно – человек вольный и независимый в занятиях, возвращался из магазина домой. Свернув на аллею, проходившую рядом с городским холодильным хозяйством, он глубоко вдохнул прохладный воздух – узкая асфальтовая аллея была обсажена березами, которые густыми кронами образовывали полог над ней. Здесь всегда было тенисто и прохладно.

Анатолий шел медленно, помахивая авоськой с продуктами и наслаждаясь утренней свежестью. Легкий ветерок шумнул над головой в кроне молодой березки, легко коснулся щеки Анатолия и понесся дальше. Воздушный смерчик обнаружил брошенную кем-то газету и зашевелил, зашелестел ею. Анатолий прижал газету носком кроссовки, наклонился и подобрал бумажный лист, скомкав его в руке в комок. Путь его лежал мимо мусорных контейнеров, в них он и собрался бросить газету.

Миновав кирпичную стенку, ограждающую автостоянку от контейнеров и бросая газету в мусорный ящик, Анатолий узрел возле собственного дома, который высился перед ним всего лишь в десятке метров, нечто режущее глаз. На тротуаре, загораживая проход к его подъезду, стояли в ряд три черных сверкающих автомобиля – БМВ класса «Люкс» и два огромных джипа.

Вообще-то автомобили, стоящие возле подъездов дома, конечно же были не редкостью в нынешние времена. Но таких дорогих и таком количестве Анатолий Манасюк возле своего подъезда раньше не видел – он прекрасно знал всю автотехнику своих соседей.

Странно... Он подошел поближе, и странности продолжились – дверцы автомобилей стали открываться, из недр машин стали вылезать люди, и Анатолий понял, что хорошо одетые, при галстуках и в официальных костюмах (и это не смотря на июньское пекло) холеные мужчины прибыли, что называется, именно «по его душу»...

Так и есть – когда Анатолий приблизился к ним, один из них спросил:

– Извините... Вы ведь Манасюк Анатолий Васильевич, не так ли?

– Предположим... – почему-то острожно протянул Анатолий. – А в чем дело-то?

– Мы из Москвы. Вообще-то дело к вам вот у этих господ – это адвокаты из Женевы. Ну, а мы сопровождаем их. Я – Михаил Вайнфельд, вот мое удостоверение.

Наверное, Анатолий был не просто поражен – у него, что называется, от изумления поползла вниз челюсть.

Впервые в жизни он держал в руке документ, из которого следовало, что предъявитель его – руководитель отдела стран Центральной Европы Министерства иностранных дел России.

Руководитель такого ранга Министерства иностранных дел? В Сибири, в глубинке, что называется, в такой периферии...

Было от чего удивляться...

Часть 1-я

Прикосновение к неведомому

Март—июнь 2007 года

Гил Бейтс, американский мультимиллиардер, рывком сел на постели. Лицо его было мокрым от пота, волосы всклочены, глаза – белые от страха.

Сон вновь отличался поразительной реальностью, был цветным и жутким, продирающим насквозь. Только что могущественнейший человек планеты опять, как и прошлую ночь, бежал по каким-то переулкам, мимо каких-то высоких стен, темных подворотен; а воздух был плотным и багровым, наполненным отвратительной вонью, а сзади, нарастая и нарастая, звучал жуткий рев чего-то, что вот-вот должно было догнать его и рвать, рвать, рвать на части... Кто, зачем и почему именно его, Бейтса, уважаемого шестидесятилетнего господина, должен был разорвать в куски, Гилмори не знал, и именно эта неизвестность пугала больше всего.

Как и прошлую ночь, ему удалось в последний момент свернуть в подворотню и укрыться за выступом кирпичной стены – а Нечто пронеслось мимо, рев стал удаляться, и можно было вздохнуть облегченно, но в этот момент что-то схватило его сзади, оплело туловище, и рев вдруг возник совсем рядом... Однако в этот миг Бейтс уже проснулся, мокрый от пота, с бешено стучавшим и вырывающимся из груди сердцем... И счастливый, что все осталось позади.

Он протянул правую руку, нащупал кнопку и включил лампу. Мягкий свет осветил тумбочку, часть кровати. На часах было ровно два.

«Как вчера, позавчера и, наверное, завтра...» – подумал он, подходя к окну. Кошмар повторялся в одно и то же время.

За стеклом была сонная ночная Женева. Почти не было бегущих по улицам огоньков машин, на стеклах шелестел весенний дождь, и все было таким *спокойным, мирным и ничуть не опасным...*

Это несоответствие внешнего мира и только что пережитое заставило Бейтса потрясти головой, Он хотел прийти в себя, он хотел, чтобы все это оказалось просто почудившимся, ненастоящим... Но он знал, что сейчас – да – он ляжет вновь в постель, уснет и будет спать крепким здоровым сном. Без сновидений.

Но это – сейчас. А завтра кошмар повторится. И не помогут ни лекарства, ни самовнушение – вновь багровый день, развалины, жуткий рев хищника и дикий, разрывающий мозг на части, ужас...

«Нужно поехать к Джереми, на ферму... Нужно отвлечься. Может быть там все будет по-другому?»

Да! В Джорджию, на ферму к брату.

Гилмори Бейтс принял решение, ему сразу же стало легче. Он расправил простыни, лег в постель и быстро уснул.

На другом конце планеты, в пригороде Токио, застроенном небольшими, но очень дорогими коттеджами (в Японии каждый клочок земли стоит баснословных денег, а уж жилье...) в иное, чем в Женеве, время, так как часовые пояса Токио и Женевы существенно отличаются – еще один богатейший человек планеты испытывал аналогичный ужас.

Сйдзе Сото, японский миллиардер, как и Гилмори Бейтс, забыл о спокойных ночах и нормальном сне. Нет, он не бегал во сне от чудовищ,. Просто вот уже какую ночь он внезапно просыпался с ножом в спине, и от этого испытывал жуткую боль, и выгибался на постели, боясь

выпрямиться и таким образом вонзить себе в спину лезвие еще глубже, а потому корчился на постели и боялся до судорог лишь одного – вот сейчас он сунет себе за спину руку и действительно нащупает торчащий под лопаткой нож... И каждую ночь он находил-таки в себе силы, медленно-медленно рукой дотянуться до пораженного ножом места и раз! схватить воображаемую рукоять рукой, но ничего не было, дикая боль как по волшебству исчезала, и Сото-сан облегченно вытягивался на кровати во весь рост, лежа на спине на мокрых от пота простынях и блаженствуя, блаженствуя, блаженствуя...

За окном была ночь. Светящийся дисплей настенных часов показывал ровно два часа...

Сейдзе Сото, придя в себя, снял трубку телефона и набрал номер. Это ничего, что сейчас два часа ночи, его выслушают внимательно и с почтением.

– Племянник, я сегодня жду тебя прямо с утра у себя в офисе, – сказал он.

– Да, дядя.

И связь разъединилась.

Еще один богатый человек, Павел Абрамович Осиновский, эту ночь провел спокойно. Как, впрочем, и все предыдущие. Павел Абрамович обладал крепкими нервами, никогда не комплексовал, умел ставить цели и почти всегда добивался их.

В конце далеких 50-х XX столетия Паша был сначала студентом химико-технологического института, но потом перевелся в МГУ на физико-математический факультет, с успехом закончил его. Затем – аспирантуру МГУ, и в начале 80-х был уже доктором наук.

Заведуя кафедрой общей физики МГУ, он в конце 80-х с азартом погрузился в заманчивые дебри финансовых афер, которые пышно расцвели вместе с кооперативным движением в горбачевской России. Он сочетал свои способности математика со способностями торговца и предпринимателя, быстро обзавелся первоначальным капиталом и в начале 90-х сначала монополизировал московский рынок торговли компьютерами, поставляя ЭВМ из-за рубежа, затем мягко переключился на топливную отрасль экономики, активно участвуя в приватизационном процессе нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий.

Но неугомонному Паше, хотя и миновало уже пятьдесят лет, этого было недостаточно. В советский период ему так не хватало двух вещей: денег и вхождения во Власть. Настоящую, большую власть. И вот новые времена предоставили ему и то, и другое.

Да, Павел Абрамович входил уже в ближайшее окружение первого президента России, затем очень способствовал становлению нового, молодого президента. И был достойно вознагражден.

Он получил уважение, солидный пост во властных структурах, и тут совершил ошибку. Он, что называется, зарвался. Паша перепутал себя с президентом один раз, второй, а вот третий раз ему не дали этого сделать. Ему намекнули, что он – в списке «на отстрел», то есть может потерять не только власть и деньги, но и лишиться свободы.

И тогда Павел Абрамович Осиновский заблаговременно выехал за границы Родины, да там и остался.

Он сохранил деньги – порядка десятка миллиардов долларов, и амбиции.

Однако неугомонный характер толкал его к действию. Живя безвыездно в Лондоне, он всерьез замыслил стать главой России.

Глава 1-я

Самолет мягко приземлился на бетонной полосе одного из частных небольших аэродромов в самом центре Джорджии. Именно здесь, возле небольшого фермерского городка Фримена, располагалась ферма Джереми Бейтса, младшего брата Гилмори.

Да-да, у одного из богатейших людей мира, владеющего, в частности, множеством предприятий по производству высокотехнологичного оборудования, компьютеров, военной техники младший брат был обычным американским фермером, возделывающим кукурузу. И при этом – счастливым человеком.

Гилмори иногда завидовал ему – у Джереми был сын – десятилетний Саймон. Сам Гил Бейтс своей семьи не имел – еще в восьмидесятых годах в автомобильной катастрофе погибли его жена, дочери и мать. Они ехали проведать больного отца Гила, который лечился в онкологической клинике. Но так и не доехали – автомобиль занесло на мокрой после дождя дороге и он рухнул с моста в небольшую речку, уровня воды которой тем не менее хватило, чтобы укрыть мертвые тела.

И вот теперь у Гилмори было лишь два близких родственника – брат и племянник. Саймон рос смысленным и очень добрым мальчиком. Он и дядя понимали друг друга, и поэтому при встречах могли молча сидеть рядом и любоваться закатом. Или – медленно текущей водой реки, на берегу которой стоял дом фермера Джереми Бейтса.

Выбравшись из самолета, Гил увидел автомобиль брата, а потом и его самого, щурившегося на солнце и приветственно махавшего ему широкополой шляпой. «А где же Саймон? – успел подумать Гил, но тут кто-то сзади закрыл ему ладонями глаза. Гил ощутил знакомый запах ладошек, и на сердце сразу стало тепло.

Он очень любил племянника.

– Дядя Гил, что-то не так? – спросил Саймон, вприпрыжку поспевая за быстро идущим к машине Джереми дядей. – Ты не заболел?

– Что-то вроде этого, племянник, – сказал Гил, останавливаясь и обнимая Саймона за худенькие плечи.

Он ласково взъерошил выгоревшие на солнце волосы долговязого мальчишки, отмечая, что за прошедшее с их последней встречи время Саймон вытянулся и как-то возмужал: плечи расширились и окрепли, лицо округлилось и загорело. Да, фермерские дети – это не городские мальчишки, они быстро взрослеют и мужают, работая на воздухе больше руками, чем головой.

Гилмори сел, вопреки обыкновению, на переднее сидение рядом с братом. Обычно же он садился сзади, с Саймоном, и они начинали сразу же какой-нибудь интересный лишь для них разговор.

Джереми обратил на это внимание. Запустив двигатель и включив передачу, он спросил, трогая машину с места:

– Гил, что с тобой? На тебе лица нет, брат.

– Что, так заметно?

– Ну, чужой, может быть, и не заметил бы, но только не я.

Гил помолчал, не зная, как начать разговор. Потом решил, что не стоит очень уж пугать брата – следовало бы самому сначала разобраться, что с ним происходит, и почему. Кстати, во время перелета через океан он прекрасно выспался, причем – без каких-либо сновидений.

– Да в общем – ничего особенного. Наверное, переутомился. Сплю плохо, сны какие-то вижу...

Он замолчал, ожидая, что на это скажет брат. Не мучают ли и его сновидения – а вдруг развивается что-нибудь наследственное, генетическое?

Но Джереми улыбнулся и ответил:

– Ты зря тогда не женился во второй раз, Гил. Эта твоя помощница, ну, та, из главной конторы «Бейтс Индастриз» – как ее звали – Патриция?

– Ты опять об этом, брат? Когда это было-то – лет пятнадцать назад? Мне уже тогда было поздно обзаводиться новой семьей...

– Это – никогда не поздно. Даже старики женятся, вот, например...

– Джей, семья ничто без детей. А после пятидесяти редко можно родить полноценного ребенка. Ты ведь знаешь – мои девочки были для меня всем. Дети – это счастье, Джей, не тебе бы это слушать.

Джереми улыбнулся, не оборачиваясь, правой рукой ловко ухватил на вихры сидящего сзади сына и легонько дернул за них.

– Счастье, счастье... Видел живого лоботряса? Оглянись назад!

Машина тем временем поравнялась с поворотом, ведущим к ферме. Вдали заблестели воды реки, а скоро в открытые окна потянула и речная свежесть.

– Ну, Саймон, чем займемся на этот раз, племянник? Сумеешь освободиться от дел на ферме, или мне отпрашивать тебя у отца?

– Сейчас пока дел на ферме немного, дядя Гил. Всходы еще не появились, так что свободное время у меня есть. Давай завтра утром порыбачим, а после завтрака съездим на ярмарку – возле Фримена только-только открылась ярмарка. Ребята в школе говорили – аттракционы просто здоровские!

Джереми тем временем ловко подрулил к веранде своего дома и заглушил мотор.

– Ну, хорошо, – вылезая из машины, сказал Гил. – Сегодня суббота, до послезавтра ты свободен. Да, может быть, все-таки поедешь учиться в Женеву? Школа Фримена, конечно, неплохая, но нужно ведь думать и о будущем? Кому, по-твоему, я передам все свои предприятия? Твой отец учиться делам бизнеса отказался наотрез, неужели и ты станешь фермером?

Все трое поднялись по ступенькам на веранду, Джереми открыл дверь и они вошли в дом. Полумрак холла, запах свежего коровьего молока – Гил вновь почувствовал себя дома. Хотя где он – его настоящий собственный дом – квартир и особняков по всему миру много, а вот дома-то он, пожалуй, чувствует себя, лишь приехав к Джереми.

– Ну, так как насчет того, чтобы узнать жизнь большого города? – продолжая разговор спросил он, придвигая себе кресло-качалку.

Саймон сел в кресло напротив.

– Дядя Гил, мы говорили с папой. Если честно – мне нравится наша ферма. Наша река, наш городок, ребята – мои друзья. Но папа сказал, что кроме «хочу» есть еще слово «надо». Давай, дядя Гил, сделаем так – я закончу следующий класс, а потом решим – если будет нужно, я перееду в большой город учиться.

Гилмори Бейтс внимательно посмотрел в лицо Саймону и вновь подумал: «Да, фермерские дети – это не городские. Мальчишке и одиннадцати нет, а вот поди ж ты, рассуждает как взрослый».

– Ну, тогда пошли ужинать? И спать, а то утреннюю рыбалку пропустим.

Гил Бейтс рывком сел на постели. Но не из-за сновидения, «Это уже рефлекс на что-то неприятное», – подумал он.

Просто зазвонил телефон. Обычно, уезжая из Швейцарии, где последние два десятилетия располагалось одно из любимых детищ Бейтса – производство особо сложных и особо мощных компьютерных блоков (в частности – изготавливаемых по заказам военных), Бейтс прерывал на время все линии связи. У него была достаточно хорошая группа прекрасно подготовленных помощников, и он мог отдыхать на ферме брата, что называется, *не ломая головы*. Но в свете последних событий Бейтс насторожился. Он, выходец из фермерской семьи Джор-

джи, не «сделал» бы своего состояния и *не состоялся бы сам*, если бы не был умным, осторожным и не обладал животным чутьем на опасность.

Именно это чутье на этот раз заставило его оставить включенным мобильный телефон, номер которого знал лишь его первый помощник в Женеве, Джанни Абрахамс. Он и звонил теперь, в полчетвертого ночи. Впрочем, в Швейцарии был еще день.

– Гил, событие невероятное. В окрестностях Изумрудной долины только что произошло землетрясение.

Гилмори помолчал, осмысливая услышанное.

Изумрудная долина располагалась в самом начале предгорий Альп, и представляла из себя изумительной красоты поросшую деревьями и альпийской горной травой местность. По краям ее обрамляли широколиственные деревья, среди которых кое-где виднелись верхушки хвойных; северная часть, с выходами скальных пород, была покрыта только темными альпийскими елями.

В свое время долину, которая находилась в стороне и от железных, и от федеральных автомобильных дорог, присмотрел один из помощников Бейтса. Дело в том, что некоторые детали-микропроцессоры для самых сложных высокотехнологичных изделий предприятий Бейтса могли изготавливаться только в вакуумных камерах, а испытываться после монтажа компьютеры должны были в атмосфере наименьшего количества примесей, порождаемых человеческой цивилизацией. Говоря проще – идеально подходил чистейший альпийский воздух. С его средней влажностью, и полным отсутствием промышленных дымов – ближайшее предприятие находилось в нескольких сотнях километрах от Изумрудной долины, причем роза ветров была такой, что над Изумрудной долиной воздух оставался чистым всегда.

Единственное поселение – небольшая деревня – было в пятнадцати километрах, у федеральной автотрассы. Но и оно отделялось от долины высокой скалой, поросшей лесом. А дорога в Изумрудную долину шла, огибая эту скалу.

Взять в аренду на 50 лет Изумрудную долину удалось с огромным трудом. Помогла община деревни у трассы – почти все трудоспособное население поселка получило высокоплачиваемую работу, причем в долину работников и работниц возил служебный транспорт. Кроме того, руководство корпорации Бейтс Индастриз обещало на свои средства обучать в университетах молодежь поселка, предоставляя затем выпускникам работу в долине и возводя в деревне новые дома под жилье для своих рабочих.

На этих условиях, при безусловной поддержке жителей деревни и за огромную арендную плату федеральное правительство сдало корпорации Бейтса Изумрудную долину в аренду.

В Изумрудной долине расположились только научно-исследовательские лаборатории, производственные корпуса, где изготавливались в вакуумных камерах микропроцессоры, а также испытательные лаборатории, в которых испытывались сверхсложные компьютеры – гордость Гилмори Бейтса – он снабжал ими военных, а также авиакосмические отрасли по всему миру.

И сырье для процессоров, и недостающие комплектующие для сборки компьютеров доставлялись вертолетами к въезду в долину, где они затем перегружались на грузовые электромашины. Так поддерживалась чистота окружающей среды Изумрудной долины.

– Гил, дружище! – слышалось в трубке телефона. – Ты слышишь меня?

– Да, слышу. – Бейтс пригладил волосы на голове, отпил глоток из стакана с водой, стоящего на прикроватной тумбочке. – Значит, землетрясение? И что, сильные разрушения?

– В том-то и дело, Гил, что разрушений – никаких. Прошли два несильных толчка, с северного склона упало несколько камней. Разрушений и быть не может – ведь в этой части долины у нас нет ничего. Но я решил все-таки позвонить.

– Ты правильно сделал, Джанни. А теперь слушай меня. Немедленно остановить все производственные операции, все опыты в лабораториях, отключите все компьютеры. Произведите метрические измерения всего и вся – не сдвинулись ли где-нибудь фундаменты зданий, не нарушена ли герметичность какой-нибудь из вакуумных камер, не перекосило ли постаменты испытательных стендов. Ну, ты понимаешь меня, не так ли?

– Конечно. Все сделаем, Гил, можешь не беспокоиться.

– Хорошо. Как только все проверите – запускайте работы, но обязательно проведите тест-контрольные замеры еще раз везде, где можно. Потом снова перезвони мне.

Гилмори Бейтс выключил телефон, положил его на тумбочку и хлебнул еще глоток воды. Чутье его не подвело – *кое-что случилось* – но вот то ли, что представляет опасность? И связано ли это с его ночными кошмарами?

Вряд ли. В глубине души Бейтс догадывался, с чем связаны кошмары.

И уж конечно, землетрясение тут ни при чем.

Гилмори Бейтс лег, накрылся простыней и погрузился в сон. Из которого его почти сразу вывел еще один звонок. Но это был звонок будильника – пора было вставать и идти удить рыбу.

В соседней комнате раздавался шорох – это Саймон встал и готовился идти будить дядю.

Дядя и племянник рыбачили всегда на одном месте – за излучиной реки, которая заросла ивняков и вязами. Когда они приходили и располагались на берегу, расчехляя удочки, было еще темно.

Именно в этом и заключалась прелесть – забросить удочки, когда из-за утренних сумерек еще не видно поплавок. И встретить рассвет.

Он приходил медленно, можно сказать – робко. Сначала начинала розоветь восточная сторона горизонта, и тут же слышался робкий птичий голос: чирик, чирик; затем начинали петь комары, и вот уже видны поплавки, и птичьи голоса становятся все увереннее и увереннее, а поплавки начинают подрагивать, и вот он, клев! А в результате они опять пропускали момент рассвета...

Рыба в речке Джереми ловилась не то, чтобы мелкая – в ладонь Саймона примерно размером. Но рыбаки всегда несли ее домой, вместе чистили, жарили и с удовольствием ели за обедом.

Но на этот раз удовольствие подпортил телефонный звонок. Звонил Абрахамс.

– Все в порядке, мы запустили все производства и лаборатории. Но есть что-то непонятное...

– Что? – спросил мигом насторожившийся Гилмори. – Что ты имеешь в виду?

– Тебе бы лучше приехать, сэр... – И это обращение «сэр», которое Абрахамс употреблял крайне редко, сказал Гилмори Бейтсу все.

Случилось все-таки НЕЧТО.

– Вот что, Джанни, – медленно сказал он. – Вот что... Я сегодня проведу время с племянником, а вечером отправлюсь в Женеву. Я успею на ночной рейс, так что завтра буду уже у вас. Встречай меня. Или до завтра дело не терпит? Но я все равно не успею на другой рейс в Женеву – а лететь с пересадками еще дольше.

– А ты не на своем самолете?

– Нет, ты же знаешь, к брату я летаю, как все. Ну, так как мы поступим?

– Гил, все в порядке. Завтра будет в самый раз. Мы тут все тщательно перепроверим, и...

– Да о чем ты?

– Гил, когда ты прилетишь, ты поймешь, что это лучше не обсуждать по телефону...

Так что на этот раз жареную рыбу Гил Бейтс ел без аппетита. И хотя поначалу его настроение передалось Саймону, по дороге на ярмарку мальчик вновь обрел себя, повеселел, и перед воротами ярмарки вылез из машины вполне счастливым.

Глава 2-я

Рано утром племянник Сейдзе Сото – тридцатилетний Тахиросото, стоял у двери кабинета своего могущественного родственника и покровителя. В отличие от дяди, племянник был высок, худощав, волосы на голове были слегка длиннее, нежели диктовала мода среди японской молодежи – европейцы называли такую прическу «каре».

Одетый в черный официальный костюм, с портфелем в руке Тахиросото внешне являл собой образец делового молодого человека.

Секретарь Сейдзе Сото, средних лет полноватый мужчина, снял трубку мелодично прозвеневшего телефона, выслушал босса и кивнул Тахиросото – можно входить.

Кабинет Сейдзе Сото был велик, светел и создавал настроение радостно-приподнятое – огромные окна, японские гравюры на стенах, светлые шелковые шторы.

Сейдзе Сото, моложавый, небольшого роста, круглолицый мужчина лет семидесяти, сидел за столом. Отложив в сторону папку с бумагами, он жестом подозвал племянника поближе, и сказал, не предлагая ему сесть:

– Ты помнишь свою поездку на остров Рождества семь лет назад?

– Да, дядя.

– У тебя все еще сохранились связи с якудзой?

Тахиросото замялся и промямлил:

– Но, дядя, ведь вы распорядились...

Сейдзе Сото снял очки и, покручивая их в руке, сказал:

– Племянник, семь лет назад ты закончил университет и я подарил тебе, своему ближайшему родственнику, яхту. Ты собрался совершить плавание по Тихому океану, посетить Индонезию, Таиланд, острова Океании – в общем, отдохнуть.

Я попросил тебя выполнить одно поручение, для чего посетить остров Рождества. Ты хорошо справился – нашел нужного человека, узнал все, что нужно, и я был бы доволен тобой. Но как позднее выяснилось, основной целью твоего плавания была не прогулка. Ты привез наркотики, а когда я навел справки – выяснилось, что ты работаешь на якудзу. Ты, мой возможный наследник, как оказалось, позоришь нашу фамилию.

– Дядя, я после вашего приказания порвал все связи, и...

– Не нужно мне врать. С якудзой невозможно порвать все связи. Впрочем, если ты сумел их порвать, то сейчас свяжись со своими бывшими поделщиками снова. Я хочу, чтобы ты нанял несколько расторопных ребят из числа твоих бывших друзей. Обещай хорошую плату, и проследи, чтобы люди были не из числа болтливых.

Он помолчал. Крутанул еще пару раз очки, держа пальцами дужку, аккуратно положил их перед собой и задумался.

«Какая глупость! Нелепая случайность в сочетании со свойственной молодости безрассудностью – а такие последствия... Впрочем, возможно, все происходящее с ним сейчас никак не связано с его молодостью, и тогда он совершает глупость именно в данный момент! Русские говорят – не буди лихо, пока тихо...

Значит, нужно действовать осторожно. Ювелирно, тонко, чтобы не разбудить этого русского лиха».

– Вот что. Выбери не просто молчунов, умеющих держать язык за зубами. Выбери умных, имеющих опыт в проведении расследования, умеющих организовать слежку.

Оправитесь на остров Рождества. Наш индонезийский друг, о котором ты знаешь вот уже семь лет, как мне кажется, где-то там. И решил дать мне о себе знать. И мне не нравится, в какой форме он это делает! – Сейдзе Сото вновь замолчал. Встал, подошел к окну.

Панорама делового Токио была однообразной – башни, башни зданий, загораживающих обзор друг другу.

Но вот небо было сегодня изумительным – синим, чистым, с розовым солнечным светом на востоке.

Может быть, такое небо сулит удачу? И он поступает правильно?

– Сможешь выполнить мое поручение? – поворачиваясь к племяннику, спросил он.

– Конечно, дядя.

– Иди. Начинай прямо сейчас. Сразу, как наберешь команду, отправляйтесь в Океанию. И будешь звонить мне дважды в день – утром и вечером. Деньги, необходимые тебе для всего этого, будут перечислены на твой счет через два часа.

Как только доберетесь до острова Рождества, позвонишь мне, я дам тебе инструкции. Пока я не решил до конца, что вам нужно будет сделать. Я пока подумаю.

До получения инструкций – ничего не предпринимайте.

Иди!

Сейдзе Сото подождал, потом нажал кнопку селектора и сказал:

– Пригласите Токугаву, если он уже пришел. И принесите мне в кабинет газету рекламных объявлений. Да, и проследите, чтобы в ней был не только раздел экономических предложений и рекламы товаров. Мне нужен раздел «Услуги».

Сейдзе Сото недаром сумел сделать свое состояние и создать процветающую уже не одно десятилетие промышленную империю «Сото Интернейшнл». Он всегда подстраховывал все свои действия.

И теперь он решил обратиться к хорошему практикующему экстрасенсу.

Ему очень не нравились кошмарные сны, которые с недавних времен он стал видеть ночами.

А Токугаву, начальника службы безопасности и промышленной разведки Сото Интернейшнл он попросит проверить, действительно ли его племянник порвал все связи с якудзой.

Сейдзе Сото страховался от ошибок всегда.

И все всегда проверял.

Примерно этими же днями Павел Абрамович Осиновский провел серию телефонных звонков и теперь ждал в своем лондонском офисе визитеров из России.

Он не был доволен результатами переговоров. Ну, во-первых, как сообщил ему давний знакомый из Генеральной прокуратуры России, постановление о задержании Осиновского до сих пор не отменено, соответственно Павел Абрамович находится в международном розыске.

Конечно, Павел Абрамович прекрасно знал, что компетентные органы давным-давно осведомлены, где скрывается разыскиваемый Осиновский. Более того, им были известны и его адрес проживания, и адреса его квартир и фирм, разбросанных по всему миру. И органы знали, что он об этом знает. Но главная цель российских властей (а Павел Абрамович знал и это) была не арестовать Осиновского, а лишь закрыть ему дорогу в Россию.

Высшие власти России были осведомлены, насколько много знает Осиновский, и какой скандал разразится, если Павел Абрамович «разверзнет уста свои». Так что арестовывать его было нельзя.

Но это все – постоянно во времени, и не могло вызвать такое уж большое недовольство Паши Осиновского.

Паша был недоволен возможными соратниками – представителями некоторых российских партий, которых он ожидал буквально сегодня.

Некоторые из них уже прилетели и ждали в номерах лондонских отелей. Другие – те, кто по конспиративным соображениям поселились в отелях соседних государств, сейчас добирались, кто чем мог, из Ирландии и Франции.

Павел Абрамович был настроен на решительный разговор – действительно, сколько можно? Он аккуратно перечислял необходимые суммы на определенные банковские счета, и это не смотря на свою бережливость – так сам себе объяснял Паша Осиновский врожденную скупость и жадность. Впрочем, на поставленные цели Павел Абрамович денег никогда не жалел.

Его деньги должны были обеспечить создание в России атмосферы постоянного недоверия властям.

Но пока ничего не получалось. Российская экономика потихоньку стабилизировалась, фондовый рынок укреплялся, рос экспорт российского сырья, товаров и капиталов за бескрайние рубежи России.

Не удалось даже пошатнуть авторитет российского президента Василия Васильевича Дорогина и как-то «подмочить» его репутацию.

И это не смотря на такие возможности – Дорогин в советские времена был майором ГРУ и служил военным атташе во Франции. Осиновский, зная, что бывших чекистов не бывает – есть боевой резерв офицеров безопасности в состоянии постоянной готовности, вот уже несколько лет тщетно пытался «раскрыть эту тему».

Но ничего не выходило.

Было от чего прийти в дурное настроение...

Вечером этого же дня в офисе фирмы Осиновского, которая занималась организацией экологических исследований по всему миру (и еще кое-чем, например, торговлей нефтью), вокруг длинного стола, во главе которого сидел Павел Абрамович, в удобных креслах разместились семь человек – люди разного возраста, разной внешности, одетые кто со вкусом, кто – не очень, разной общественной и политической значимости. «И разного, увы, ума, очень разного», – глядя на соратников, подумал Павел Абрамович.

– Ну-с, приступим, – сказал, потирая руки, Осиновский. – Давайте-давайте, отчитывайтесь... Начнем с тебя, Николай Григорьевич.

Николай Григорьевич, мужчина лет пятидесяти с небольшим, черноволосый, с круглым морщинистым лицом и острым взглядом неопределенного цвета глаз, пошевелился в кресле, надел очки в дорогой оправе и раскрыл лежащую перед ним папку с бумагами.

Николай Григорьевич Воропаев был неофициальным лидером политического объединения «Вишенка» – партии, которая пыталась конкурировать с известным «Яблоком» – объединением, вокруг коего группировались в основном представители российской интеллигенции, но было много также избирателей из других слоев общества. Воропаевцы сознательно назвали свой блок «фруктовым наименованием» – и здесь были не только ирония, но и точный расчет. Которым, кстати, в свое время предложил воспользоваться Воропаеву Осиновский – большой дока в политических интригах.

Российский обыватель все-таки сероват и скверно разбирается в множестве нюансов политических выборных кампаний. Поэтому воропаевцам, назвавшим свой блок «Вишкой» (ягодой так же и круглой, и алой, вроде яблока) и удалось добиться, чтобы на двух последних думских выборах многие избиратели, голосующие, как они думали, за фруктопоименованных демократов, отдали по ошибке свои голоса «ягодникам» -консерваторам...

Не потому ли блок «Яблоко» дважды не смог преодолеть необходимую процентную планку, которая закрыла «яблочникам» дорогу в Государственную Думу России? Кто знает.

Именно Воропаев занимался сбором компромата на бывшего ГРУшного майора, а ныне президента России. Причем потратил на эту работу не одну сотню тысяч долларов Осиновского.

– Павел Абрамович, предвижу ваше недовольство, да что там – недовольство! Ну, ничего не получается. Либо Дорогин непогрешим, либо, что вероятнее всего, его непотребные делишки скрыты в бумажных дебрях ГРУ. Ну вы же знаете, ГРУ – не ФСБ, ну, никак не удастся подобраться к архивам, хоть убейте!

– Что вы, что вы, Николай Григорьевич, чего это – убивать? А вот проверить, на какие шиши вы построили на Рублевке особнячок в прошлом году – наверное, придется. Что скажете?

– Ну это вы... – густо багровея и запинаясь, выговорил Воропаев. – Это вы бросьте – что же, кроме вас никто денег нам не дает? У нас спонсоры, другие источники...

– Да какая разница? Какая разница, я вас спрашиваю? Вам деньги дают на дело, а вы!.. – Осиновский махнул рукой. – Ладно, что конкретно делается?

– Я вышел на одного майора, имеет доступ к архивам. Обещал на днях попытаться поднять дела восьмидесятых годов по Франции.

– Да это у вас уже третий! Последний был подполковник, и что же?

– Павел Абрамович, голубчик, – оправдываясь, сказал Воропаев. Его лицо уже приняло естественный цвет, а голос – уверенность. – Ну что же я, виноват, что они все деньги берут, а потом – шарахаются от меня в сторону!

– Господи, сколько жулья в России! Сколько жулья! – ни кому не обращаясь конкретно, пробормотал Осиновский.

Себя, ясное дело, он к таковым не относил.

Паше Осиновскому уже было понятно – и остальные будут говорить то же самое. Оправдываться, что журналисты – жулики, продажные твари, и поэтому не удастся ни скандалец необходимый организовать, скажем, в сфере экспорта оружия, ни в очередной раз обнародовать связи высокопоставленных официальных лиц российской политической элиты с чеченскими боевиками.

А потом попросят еще денег...

Нет, нужно что-то придумать необычное, неординарное – и в высшей степени действенное.

А деньги придется дать – сторонники в России нужны, как воздух.

Впрочем, Паша всегда вел строгий учет расходованию своих денежных средств, причем отслеживал, куда и на какие цели тратятся эти деньги. Так что если будет необходимо – он сумеет прижать каждого из присутствующих – финансовой удавкой, обернув выдаваемые деньги их личными долгами. В любой момент.

– Ну, вот что... – сказал он, выслушав отчеты остальных соратников. О бесполезной пока что работе, как он и думал. – Работу продолжать, каждому по своему направлению, каждому по своему... И вот что. Думайте, думайте упорно и постоянно, что может дать нам возможность взять власть. Реально взять власть!

Павел Абрамович помолчал. Его переполняли негодование, злость, в общем – весь комплекс негативных чувств.

Все внимательно слушали, тишина стояла такая, что казалось, это не кабинет, это склеп. Причем только с неживыми обитателями.

– Тот, кто додумается, как мы сможем взять власть, получит три миллиона евро. Как премию, на свой заграничный счет.

Атмосфера склепа сохранялась еще десяток секунд, потом все зашевелились, загремели отодвигаемыми креслами, заговорили все разом.

Впрочем, заговорили вполголоса, все чувствовали состояние своего патрона, и не хотели оказаться напоследок «под раздачей».

Естественно, не миллионных сумм.

Ярмарка Фримена действительно была великолепной – множество аттракционов предстали перед взором Бейтса сразу же, как только он миновал входные ворота. Кроме колеса обозрения, которое Бейтс увидел издали, еще до того, как они подъехали к пустырю, на котором развернулась ярмарка, здесь были карусели, и даже «русские горки». В России, впрочем, их называют «американскими горками».

Был воскресный день, народу на ярмарке было много. Здесь были не только жители Фримена и окрестные фермеры, но и множество приезжих из соседних городков. Подъезжая, Бейтс обратил внимание, что сотни автомобилей стоят возле ограждения, а когда он парковал свою машину, подъехал огромный автобус, и которого начали выгружаться пассажиры целыми семьями – с детьми, собаками и сумками с едой.

Вряд ли это были туристы – скорее всего, на автобусе приехали горожане одного из соседних городов.

Бейтс сразу же увидел и нескольких знакомых. Это были пожилые люди, мужчины и женщины, с которыми много лет назад он вместе учился в школе, устраивал детские шалости, проводил свободное время.

Где-то тут, в толпе, возможно, были и его первая любовь, и лучшие друзья, и самые заклятые враги.

Саймон шел впереди, Бейтс – следом за ним. По бокам центральной аллеи стояли будки, в которых торговали сладостями, хот-догами и напитками.

Дорожка вела к центру ярмарки, где высилось колесо обозрения. Здесь-то их с Саймоном пути-дорожки и разошлись. Подходя к «чертову» колесу, Бейтс увидел у ограждения группу мальчишек и девчонок, которые, при виде Саймона замахали руками, а кое-кто и приветственно выкрикнул что-то молодежно-сленговое. Вроде: «Хай, мышонок!», еще что-то, по мнению Бейтса, обидное.

Однако Саймон не обиделся, наоборот, замахал руками в ответ, что-то выкрикнул, а потом повернулся к Бейтсу и сказал:

– Дядя Гил, здесь мои друзья, из нашей школы. Ты как, не будешь возражать, если мы вместе потусуемся?

Насчет слова «тусуемся» Гил, конечно, мог бы возразить. Но воспрепятствовать желанию племянника пообщаться в выходной день с одноклассниками-друзьями было бы не товарищески.

– Ладно, Саймон. Вот тебе 50 долларов, встречаемся через два часа. – Он показал рукой на видный со всех сторон ярмарочный замок с башней, на которой были большие часы. – Встретимся под часами. Ну, беги. Да, и на «русские горки» без меня не соваться, договорились?

– Конечно, дядя Гил.

Улыбаясь, Бейтс наблюдал, как племянник, подбежав к ребятам, тут же принялся что-то захлеб рассказывать им. Судя по некоторым специфическим жестам рук, Саймон рассказывал об утренней рыбалке и величине выловленных им с дядей рыбин.

Когда ребята стайкой двинулись в направлении боковой дорожки, ведущей к основным аттракционам, Бейтс потихоньку пошел, куда глаза глядят. Внимание его привлек щит, над которым было намалевано крупными белыми буквами по синему фону: «Попади в дурака!» Подойдя ближе, Гил Бейтс увидел, что в середине дощатого щита вырезана дырка, которую заполняла голова клоуна: рыжие волосы включены, вокруг глаз и рта – белое обрамление, на месте носа – шарик оранжевого цвета. Голова подмигнула Бейтсу, который, подойдя ближе,

очутился у стойки, возле которой стоял средних лет мужчина в рабочей спецовке. На стойке стоял поднос, на котором высилась гора бейсбольных мячиков.

– Ну что, сэр, вмажете мячиком по глупой голове? Всего три доллара!

Бейтс с изумлением смотрел на происходящее. Какой-то парень сунул в руку служащему три купюры, взял мячик, примерился, прицелился и с размаху вмазал прямо в лоб клоуну. Голова охнула, исчезла из дырки, но через несколько секунд вновь висела над землей, глупо улыбаясь и ожидая следующего желающего «вмазать» по ней.

Гилмори Бейтс в изумлении задрал брови.

Было чему изумляться. Когда-то, до отмены рабства и сразу после, этот аттракцион был одним из любимых американцами – белокожими мужчинами и подростками.

Потому что голову высовывал в дыру всегда чернокожий. И поэтому его охотно лупили мячиками белые посетители ярмарок.

Но аттракцион был давно запрещен, полиция за такие аттракционы могла просто-напросто закрыть ярмарку. И неважно, что роль жертвы выполняет белый, сам по себе аттракцион считается излишне жестоким. Однако вон и полицейский прохаживается, и словно бы ничего не замечает. В чем же дело?

Бейтс обошел щит вокруг и, увидев изнанку, улыбнулся.

Не было ни белокожей, ни чернокожей жертвы. Голова была резиновой, а на задней стенке щита был прикреплен механизм, обеспечивающий при попадании мячика в голову полную иллюзию поведения живого человека при таком ударе в лоб. Или в нос – неважно, механизм срабатывал, выдергивал голову из прорези, опускал ее на несколько секунд вниз, а затем возвращал на прежнее место. Но как быть с определением аттракциона, как жестокого?

Возможно, нынешние законы штата Джорджия позволяли использовать как развлечение механическое подобие запрещенного когда-то аттракциона.

Бейтс побрел дальше. Никто знакомый ему не попадался, а время как-то убить было нужно. Машинально он свернул на какую-то дорожку и оказался в месте, где располагались будочки предсказателей, гадалок, экстрасенсов и тому подобной публики, над которой Гил Бейтс, материалист и почти атеист, всегда посмеивался, считая шарлатанами.

Но тут... Казалось, ноги сами притормозили перед навесом, отгороженным с трех сторон плотной тканью. Занавес с четвертой стороны был откинут в сторону, и Бейтс увидел сидящую за столом молодую красивую цыганку. Золотые серьги и мониста на груди поблескивали в темноте, но не это привлекло внимание Гилмори. Просто при виде его цыганка привстала и с каким-то изумлением уставилась на Бейтса.

И опять-таки ноги сами понесли Гила Бейтса, материалиста и человека ни во что *такое* не верящего. Он вошел под навес и опустил за собой полог.

Яркое солнце, просвечивая сквозь ткань, создавало в шатре полумрак.

Бейтс сел на стул. Положил руки на столешницу, на которой стоял перед цыганкой хрустальный шар в подставке.

– Ну, что ты можешь сказать обо мне? – спросил он, доставая из кармана сотню и кладя купюру перед девушкой.

– Ты знаешь, что над тобой и в тебе – зло? – хрипловатым, но приятным голосом ответила гадалка.

– Я знаю, что что-то мешает мне по ночам нормально спать. Ты можешь сказать, что это?

– Могу. Но тебе очень не понравится то, что я вижу. Даже без своего шара...

Она взяла деньги, сунула в какую-то складку на широкой цветастой юбке.

– Слушай.

Полузакрыв глаза, она нараспев принялась вещать.

– Были трое, и трое совершили страшное зло... Они платят сейчас за это, и плата это – тяжела.

Она, не раскрывая глаз, принялась водить ладонями рук над шаром. В глубине стекла засветилась точка, потом она стала разрастаться и вскоре шар наполнили неясные образы – как будто лицо человека, потом мелькнул какой-то горный пейзаж, и все заполнил собой кусочек суши, окруженный водой. Изображение потускнело и исчезло.

Цыганка встряхнула головой, открыла глаза и сказала:

– Слушай внимательно, не переспрашивай, и не задавай вопросов. Троих спасет один – Неживой и Живой. Неживой – научит, Живой, если захочет – исполнит. А теперь иди.

– Послушай... – Бейтс привстал со стула. – Что значит – живой и неживой? Один – и живой и одновременно мертвый – как это?

Цыганка грустно улыбнулась.

– Я передала тебе слово в слово то, что сказал мне шар. Я не знаю больше ничего.

– Но как я узнаю... И где искать этого одного?

Женщина уже полностью оправилась, и теперь она, уже белозубо улыбаясь, сказала ему:

– А ты ведь никогда не верил таким, как я, верно? Но вот что я тебе скажу, и это – правда.

Придет время – ты сам поймешь, кто и как поможет тебе. Просто жди.

И когда Бейтс выходил, в спину ему тихонько добавила:

– Только не забудь, что это Он будет один. А вас – трое...

Глава 3-я

Некоторое время спустя Гил Бейтс сидел в просторном кресле салона первого класса самолета, летевшего на Женеву. За иллюминатором была ночная темь, а внизу, невидимые, неспешной вечной чередой бежали океанские волны – Атлантика, как и вся часть полушария, была покрыта ночным покрывалом. Едва слышный гул мощных моторов Боинга создавал ощущение уверенности, некоей стабильности мира, пусть и на время, и навевал дрему, которая у большинства пассажиров уже переходила в сон.

Свет в салоне был приглушен, спинки большинства кресел откинута. Пассажиры, наверное, видели сны, и скорее всего – сны приятные.

Бейтс, в полудреме, вспоминал свой разговор с братом, который состоялся перед отлетом. Поскольку Джереми почувствовал беспокойство брата после ночных звонков, а, кроме того, Гил слишком быстро после приезда засобирился назад, в Швейцарию, он предложил самолично отвезти Гила на автомашине в ближайший международный аэропорт, из которого был ночной авиарейс в Европу. Вот по пути и состоялся разговор, который Гилмори Бейтс сейчас «прокручивал» в голове.

– Гил, – придерживая рукой рулевое колесо, начал разговор Джереми, – я знаю, ты хотел бы, чтобы Саймон переехал к тебе, обучался в большом городе и, в конце-концов, заменил тебя, занявшись бизнесом...

– Ты же знаешь, – Гил Бейтс помолчал – он проводил взглядом проносящуюся в тот миг мимо них яркую вывеску придорожного мотеля. – Я не хочу огорчать Саймона – а ему нравится привольная, хотя и нелегкая, фермерская жизнь. Река, простор, наконец – друзья, я понимаю его. И, конечно, я всегда понимал тебя, никогда не осуждал, что и ты в свое время отказался переехать и встать рядом со мной у руководства «Бейтс Индастриз».

Тебе нравилась эта жизнь – ты ее и выбрал. И счастлив, ведь так, брат?

– Да, брат, и я не жалею, что живу так, как живу, и даже не трачу денег, которые ты постоянно нам присылаешь.

– И зря.

– Гил, нам с Саймоном хватает того, что дает ферма. Мы сыты, одеты-обуты, Саймон получает все эти новомодные игрушки – скейты, компьютеры...

– А какой фирмы компьютер ты купил Саймону?

Джереми засмеялся.

– Твоей, брат, конечно – твоей. Так вот.

Машина, как ты видишь, у меня новая. И сельскохозяйственная техника в полном порядке. На время сева и уборки я нанимаю работников в помощь, так что мы не особо и перетруждаемся. За животными вообще ухаживает постоянный рабочий. Гил, ну, не всем ведь жить в больших городах и работать на ваших заводах. Или протирать брюки на стульях в конторах. Ведь кто-то должен кормить вас, горожан? Что скажешь, брат?

Гилмори про себя улыбнулся. Разговор на эту тему был не первым – Джереми был плоть от плоти селянин, ну что тут поделаешь?

– Джереми, ты прав. Но мне больно думать, что дело, которому я отдал всю жизнь, будет разодрано жадными чужими руками и растащено по углам. Мне хочется, чтобы мой бизнес стал наследственным. А Саймон почти согласился переехать ко мне. Пусть не сейчас, а на следующий год. Конечно, он может и передумать. Но ты не дави на него, брат, хотя что это я – ты справедливый человек, и будешь играть честно. Пусть сам мальчик решит, как ты считаешь?

– Пусть. Но имей в виду – переедет он – перееду и я. Я не отпущу одного своего сына. И потом – мы ведь с ним одно целое, ты ведь знаешь.

– А как же ферма?

– Ну, сдам в аренду. Знаешь, сколько желающих? Это вы, горожане, думаете, что все рвутся к вам в город. Многие, наоборот, хотят переехать в сельскую местность и жить здесь.

– Я буду только рад.

– Ну, и покончим на этом. Вон уже и аэропорт твой виднеется. За разговором доехали незаметно.

Бейтс пошевелился, устраиваясь поудобнее в кресле. Последней мыслью мелькнула фраза: «Не забудь – это он будет один, а вас трое...», Сна как ни бывало – Бейтс одним резким движением выпрямился, сел в кресле прямо и достал из кармана электронный органайзер. Нужно немедленно записать в электронную память все, что произошло на ярмарке – все, что говорила ему предсказательница.

Конечно! Сон подождет.

Гилмори Бейтс, восстанавливая в памяти предсказание, забегал пальцами по кнопкам органайзера.

Сейдзе Сото, нажав кнопку селекторной связи, пригласил к себе секретаря.

Секретарь вошел неслышно, и остановился у стола босса, наклонив голову. Он был готов внимательно выслушать очередные распоряжения и немедленно начать их исполнять.

Сото, подойдя к окну, негромко спросил:

– Токугава уже отправился по делам?

– Да, Сейдзе-сан.

– На столе газета. Я отметил объявление – свяжитесь по телефону с экстрасенсом и договоритесь о встрече. Прямо сейчас. Информация о текущем состоянии дел уже поступила?

– Да, Сейдзе-сан. Включить ноутбук?

Сото повернулся и направился к столу.

– Я могу управиться с этим и сам, Ошими. Скажи лучше, ты связался с моим племянником? Деньги на его счет перечислены?

– Да, сэр. Он уже на острове. Они ждут ваших распоряжений.

– Хорошо. Я сейчас позвоню ему, а ты договорись с этим колдуном и не перебивай моего разговора с племянником. Я тебя вызову сам.

Ошими, взяв со стола газету с объявлением, неслышно покинул кабинет.

Сейдзе Сото сел в кресло, снял трубку телефона и, набрав номер, дождался соединения, после чего нажал на аппарате кнопку громкой связи.

– Тахиро, ты слышишь меня? – негромко проговорил он, откинувшись на спинку кресла. – Доложи, сколько вас, где вы разместились. Ты сейчас один, или нас слышит кто еще?

– Я один, дядя. Мы сняли общий на всех номер в гостинице. Ребята отправились предварительно познакомиться с городом и окрестностями.

– Хорошо. Сколько вас?

– Со мной трое, дядя. Один бывший полицейский, так что он знает, как организовать слежку или расследование, если понадобится.

– Прекрасно. Найдете этого Каладжи Неру. Семь лет назад он занимался оптовой торговлей копррой?

– Да, дядя. У него и теперь фирма в Джакарте. Мы добирались до места именно через Джакарту – я специально выбрал подходящий авиарейс. Фирма существует и работает, я, как ты инструктировал, просто посмотрел телефонный справочник и позвонил, поинтересовался, можно ли встретиться с владельцем фирмы, господином Неру. Мне ответили, что он сейчас в отъезде. Я не стал спрашивать, где он и когда вернется. Чтобы никого не насторожить.

– Ты поступил правильно. Теперь слушай, племянник, и все делай так, как я скажу. Осторожно поищите господина Неру на острове. Мне кажется, он где-то там. Узнайте, чем он занимается, с кем проводит время, в общем, меня интересует – что он делает на острове Рождества?

Имей в виду – когда-то давно он жил там. Может быть, остались родственники?

Теперь о твоих ребятах. Пускай бывший полицейский проинструктирует вас, как работать на острове, а сам отправляется обратно в Джакарту. Но это – если Каладжи Неру на острове Рождества. Пока Каладжи нет в Джакарте, твой агент легко разузнает о его дочери.

Семь лет назад ты разыскал человека по имени Каладжи Неру, зная, что где-то в Джакарте есть некая Мио Неру. Тебе тогда повезло, что этих Неру в Джакарте оказалось немного, а того, у которого есть родственница по имени Мио – вообще один.

И вот здесь мы сделали ошибку. Думаю, мы должны были проявить интерес именно к Мио Неру, а не к Каладжи.

Так что пускай-ка твой человек узнает, что в последнее время случилось с Мио – а с ней что-то случилось, поверь мне. Скажи этому полицейскому, что это меня очень интересует.

Меня интересует также все, что касается поведения Каладжи Неру – пусть обратит внимание, что нового появилось вокруг и у него самого.

Или лучше сделаем так. Вечером я позвоню тебе еще один раз – и пусть полицейский будет рядом – я дам ему инструкции лично.

А поиски Неру на острове Рождества начинайте немедленно. Только осторожно – он не должен узнать, что им кто-то интересуется.

После этого разговора Сейдзе Сото просмотрел на экране компьютера текущую деловую информацию, касающуюся состояния дел корпорации Сото Интернейшнл, встретился с экстрасенсом (тот оказался неглупым человеком и, в общем, подтвердил подозрения Сейдзе).

Его сны были не просто обычными сновидениями – это было целенаправленное воздействие.

Тогугава, появившийся ближе к вечеру в кабинете хозяина, подтвердил еще одни подозрения Сото – конечно, племянник не порвал с якудзой – правда, как сказал начальник службы секьюрити, Тахиро как будто просто иногда проводит время с некоторыми якудза – вечеринки, девочки и тому подобное. А о наркотиках племянник Сейдзе Сото как будто и не вспоминает...

Паша Осиновский, намыливая щеки душистой мыльной пеной, всматривался в свое отражение в зеркале. Очень даже неплохой, по его мнению, образ демонстрировало ему зеркало.

Но... Он передернул плечами. Этот сон...

Водя лезвиями станка по коже лица, он попытался восстановить в памяти то, что видел во сне несколько дней назад.

В Лондоне было утро. Город просыпался, зашумели по асфальту улиц шины автомобилей, над городом прилетел первый утренний самолет, и шум двигателей в тишине полусонного еще города мог услышать чуть ли не каждый горожанин.

Павел Абрамович брился и морщил лицо, но не от работы лезвий бритвы, а от неприятных воспоминаний.

Нет, по ночам во сне его никто не резал и тем более не рвал на части. Просто недавно он увидел то, о чем давным-давно забыл, и увиденное не только напомнило ему о давнем, весьма скверном событии, но и весьма насторожило.

Павел Абрамович Осиновский вообще был человеком очень осторожным.

Прошло много лет. *Почему именно теперь некто пожелал ему напомнить о том, о чем он заставил себя напрочь забыть давным-давно?* Паша не верил в мистику, некие неподвластные человеку силы и прочую чепуху – он верил в себя и в силу денег. Так что и не подумал об обращении к знахарям и провидцам.

Еще чего! Наплетут ему ерунды за его же деньги!

Нет, напомнил ему о стародавнем именно Некто. На мгновение мелькнула мысль – не позвонить ли ему ТЕМ, остальным...

Но он тут же отогнал эту мысль.

В далеком сибирском городе Барнауле, в России, новоявленный пенсионер Анатолий Васильевич Монасюк решил отметить с другом свой новый статус.

Оформив пенсию, он тут же уволился с работы и пригласил одного из двух друзей по этому поводу выпить и закусить.

Почему только одного? К сожалению, второй страдал заболеванием сосудов мозга и спиртное не употреблял. Ну, а как известно каждому русскому, трезвому с пьяными за одним столом делать нечего!

Поскольку Монасюк жил один, то и готовкой закуски предстояло заниматься ему самому. Так уж вышло, что в одном с ним городе жила только взрослая дочь. Но жила она, естественно, отдельно, в своей квартире. Впрочем, с ней отметить *событие* можно и потом – Монасюк любил мужские небольшие компании, когда собирались за столом двое-трое, выпивали и начинали разговор. Причем русские мужчины, выпив, могли говорить меж собой обо все на свете. Сначала – между собой. Позже бывало, что и все вместе сразу говорили каждый о чем-то своем...

Не слушая, что там говорит еще кто-то...

Родители Анатолия жили на Украине, и виделись они с сыном не чаще одного раза в год, потому что чаще приезжать Анатолий в другое государство, каким стала Украина после развала СССР, по финансовому положению не мог.

В принципе, в деньгах он не нуждался – в Казахстане жил его дядя, который был руководителем, а фактически – владельцем сельхозкооператива.

Ежемесячно дядя присылал Анатолию сто евро. Вместе с зарплатой (а теперь – пенсией) Анатолий Васильевич Монасюк финансово был обеспечен достаточно – потребности у него, в общем-то, были минимальными: квартплата, питание и лекарства. Одну и ту же одежду и обувь Анатолий мог носить подолгу – иногда более 10 лет. А вот ездить куда-то далеко – на это деньги приходилось копить.

Анатолий принялся за стряпню. Готовить еду он умел, и любил это делать.

Предвкушая встречу с другом, он отбил мясо молотком для отбивных и принялся нарезать помидоры для салата.

Они выпьют, закусят, потом закурят по сигарете. Кто начнет разговор – пока неизвестно. Но как бы то ни было, время они проведут хорошо.

Кстати, курил Анатолий Васильевич только на таких вот дружеских попойках. В обычное время он не курил вообще.

Да и спиртного почти не употреблял.

На острове Рождества стояла послеполуденная жара.

Застыли неподвижно кроны пальм. Свернули листья кустарники и деревья подлеска, который начинался сразу за городом. Далее, выше в горах, лиственные деревья стояли стеной.

Жители города отдыхали в прохладных комнатах своих домов. Город был небольшим, лишь центральная часть его была застроена многоэтажными каменными домами, далее шли домики, укрытые в тени пальм, которые здесь росли везде.

Кокосы, вызревавшие на этих пальмах, и давали копру, служившую сырьем для производств местных бизнесменов.

В жару жизнь в городе замирала, все оживится лишь вечером, когда спадет полуденный зной и с океана подует прохладный ветерок.

Но сейчас не все прятались от солнца.

Агенты Тахирос Сото вели активную розыскную работу.

Вообще будничная работа по розыску какого-либо лица одинакова в любой точке мира.

Все зависит от первичных данных и от умения розыскников.

О Каладжи Неру было известно, что он прибыл недавно на остров и что занимается оптовой торговлей копры.

От этого и отталкивались агенты Тахирос.

На таможенных пунктах аэропорта и морского порта были опрошены служащие. Агенты не имели фото Каладжи, но они знали точные фамилию и имя разыскиваемого и предположили, что он не изменил их – зачем бизнесмену, торговцу копррой, фальшивый паспорт?

Поскольку агенты платили щедро, выглядели респектабельно и разговаривали интеллигентно, служащие таможи быстро нашли в компьютерном банке данных все необходимое.

Да, человек по имени Каладжи Неру прилетел из Джакарты несколько недель назад. Нет, у них данных о том, резервировал ли он номер в каком-либо из городских отелей, нет – им не нужна такая информация – они фиксируют лишь таможенную проверку въезжающих и выезжающих.

Ах, и выезжающих? В таком случае, не выехал ли с острова Каладжи Неру? Еще несколько купюр крупного достоинства перешли из одних рук и другие, и ответ гласил: «Нет, из аэропорта Неру не убывал».

Но есть еще морской порт! Наемный автокар быстро понес по раскаленному асфальту розыскников Тахирос в сторону морпорта.

Таможенник, сидящий у экрана компьютера, быстро проверил информацию об отъезжающих с числа, интересующего вежливых (и денежных) людей. Нет, данных о пассажире Каладжи Неру, который отплывал бы в Индонезию, нет.

А вот данные о таком человеке, который отплыл примерно в то же время на местном пароме на архипелаг Того-Паго, есть...

Таким образом, искать следовало в городке Робертсвиле – единственном крупном населенном пункте Того-Паго.

Тут же была получена информация о том, что в Робертсвиле можно добраться также самолетом – регулярные рейсы осуществлялись один раз ежедневно.

Вечером состоялся второй телефонный разговор между Токио и островом Рождества.

Сейдзэ Сото внимательно выслушал информацию, которую добыл Тахирос. И сказал:

– Пусть бывший полицейский летит в Индонезию и разузнает все о Мио Неру и последних перед отъездом на Того-Паго днях Каладжи Неру. Дай ему трубку!

Тахирос передал трубку бывшему полицейскому – невысокому худощавому пожилому японцу с умным взглядом.

– Здесь Того Накаяма. Я слушаю вас, Сото-сан.

Почтение, которое отразилось в интонациях Накаямы, говорило об уважении, питаемом бывшим полицейским к одному из могущественнейших людей Японии. Он внимательно выслушал инструкции и сказал:

– Я все сделаю, как вы хотите.

– Передай трубку моему племяннику!

Накаяма передал трубку телефона Тахирос Сото.

– Я слушаю, дядя.

– Племянник, все инструкции получил Накаяма. Снабдишь его деньгами. И деньги не экономь!

Не забудь – звонить в Токио тебе необходимо ежедневно.

В Женеве было раннее утро, когда в аэропорту приземлился заокеанский Боинг. В зале ожидания аэропорта Бейтс издалека увидел Джанни Абрахамса.

Впрочем, не увидеть Джанни было мудрено. Высокий негр, с внешностью голливудского актера Дэнзила Вашингтона, он отличался от своего знаменитого двойника только возрастом – курчавые волосы, которые Абрахамс стриг коротко, были совершенно седыми.

Кроме того, Джанни, чтобы еще меньше походить на Вашингтона, носил тщательно подстриженные усы, также седые.

Джанни не любил официальных одежд – он был сторонником молодежного стиля – костюмам он предпочитал синие джинсы, кожаную куртку, под которой на нем неизменно была надета белоснежная водолазка; зимой ее заменял белый шерстяной свитер.

А вот обувь Джанни Абрахамс носил только дорогую. Неизменно черной кожи сверкающие гляncем туфли покупались им только в фирменных магазинах.

Они крепко пожали друг другу руки, и Бейтс спросил:

– Ну, Джанни, что у нас случилось такого уж необычного?

Улыбаясь таинственной улыбкой, Абрахамс ответил:

– Сначала – к тебе домой. Мыться, бриться, завтракать. А потом, по дороге, я все тебе расскажу.

Гил Бейтс и Джанни Абрахамс рука об руку создавали промышленно-финансовую империю Бейтса. Бейтс искрился идеями, на первых порах сумел заработать первоначальный капитал на бирже.

Абрахамс был по образованию специалистом по ЭВМ, затем получил финансовое образование.

Гил Бейтс намечал стратегию и определял конкретные задачи. Он также находил деньги на их осуществление. Джанни Абрахамс претворял идеи в жизнь, определяя тактику действий и осуществляя разумное расходование денег.

Гил Бейтс мог ошибиться – его могло, что называется, «занести не туда».

Джанни Абрахамс ни разу в жизни не ошибся по-крупному. А поэтому всегда в нужных случаях помогал Гилу «вернуться к реалиям на землю».

Поэтому Джанни Абрахамс был не только помощником Бейтса и его правой рукой. Он давно был совладельцем Бейтс Индастриз – ему принадлежали примерно четверть акций компании.

И при этом Абрахамс всегда считал себя (и соответственно действовал) всего лишь ближайшим помощником Гилмори Бейтса.

Они давно были «на ты». Давно знали друг друга досконально. И давно безоговорочно доверяли друг другу.

Поэтому Бейтс знал – если бы случилось что-то действительно важное, Джанни рассказал бы ему все сразу. Еще в аэропорту.

Но уж коли он решил поиграть в загадочность... Значит, ничего не скажет раньше, чем посчитает нужным это сделать. А следовательно, произошло что-то скорее уж курьезное, чем по-настоящему таинственное.

Бейтс принял душ с дороги, побрился, затем сменил одежду – надел чистую рубашку, подобрал галстук под серый в еле заметную полоску костюм. В столовую вышел уже не дорожный путешественник, а чисто выбритый истинно американский джентльмен старой школы – аккуратная прическа, тщательно расчесанные усы.

Абрахамс все это время просматривал утренние газеты, которые ему принес старый слуга Бейтса – старина Хью, как называл его Джанни.

На столе стоял завтрак – гренки, поджаренный бекон с яйцом, в кофейнике исходил паром свежесваренный кофе.

А посредине возвышался кувшин с апельсиновым соком – Бейтс иного не признавал.

– Ты только посмотри, – сказал Джанни, складывая очередную газету, аккуратно уложив ее на пачку других, уже просмотренных и отодвигая стопу газет в сторону. – Ни она газета даже строчки не написала о землетрясении в Изумрудной долине.

И, подмигнув Бейтсу, он принялся намазывать на гренки масло.

– Ты побеспокоился? – спросил Бейтс, также протянув руку с ножом в ней к масленке.

– Ну да. Знаешь, тебе решать, нужно журналистам и телевизионщикам знать о том, что делается сейчас в Изумрудной долине.

– А что там такого особенного делается?

– Ага! – Джанни принялся за яичницу. – Вот по дороге все и расскажу. Не нарушая нашего правила – за едой о делах – ни слова!

Так что завтрак заканчивали в молчании.

Когда мощный Вольво представительского класса вырвался за пределы города, Абрахамс нажал кнопку, и толстое звуконепроницаемое стекло отделило салон с пассажирами от водителя.

– Ну, слушай.

Когда начались подземные толчки, никто даже не побеспокоился – силой всего в пару баллов, не больше, да и толком никто здесь, в Альпах, о землетрясениях и не знает, и не помнит. У нас ведь сейсмически-устойчивая зона.

Но когда несколько крупных камней свалились вниз на северном склоне, все, конечно, выскочили наружу. Увидели эти обломки, и тогда стали действовать в соответствии с инструкцией о чрезвычайном положении. Позвонили, куда нужно...

– Кому нужно... – хмыкнул Бейтс.

– Точно. И мне в первую очередь.

Но не перебивай. Они сказали мне, что с пятой выкуумной камерой что-то неладно. Она в этот день отдыхала – ну, ты знаешь, были отключены манипуляторы, внутри не было вакуума, но внутренняя подсветка была включена. После того, как подземные толчки прекратились и все стали возвращаться по своим местам, один из инженеров вдруг увидел, что внутри отключенной камеры что-то происходит.

Парень оказался смышленным. Он догадался тут же включить всю фиксирующую аппаратуру соседней камеры – видеоаппаратуру, метрические приборы, и вывел изображение на центральный дисплей.

Ну, все, конечно, тут же работать бросили. Точнее, никто еще и не начинал – роботы, которые собирают в камерах платы из выращенных кристаллов, включены еще не были, кое-кто из техников только руки успел протянуть к пульту управления, а сборку процессоров ни один начать не успел.

Короче говоря, все смотрят на центральный экран, а на нем – внутренность пятой камеры, поверху экрана бегут цифры – степень разряженности, уровень магнитного и электрического полей, в общем – стандартные показатели.

И в какой-то момент приборы как-будто с ума сошли – полный разнобой в показателях, цифры принялись показывать вообще что-то несусветное. А в центре камеры стало как бы проявляться что-то. Как-то с трудом, то заискрит внутри камеры, то вроде темного какого-то куска – Гил, мне слова трудно подбирать. В общем, в конце-концов приборы зафиксировали вот это...

С этими словами Абрахамс достал из кармана большой прямоугольник фотобумаги и передал Бейтсу.

На фотографии было нечто странное. Больше всего это напоминало голову какого-то существа: можно было разглядеть некие подобия глаз, щель рта, но остальное... Края «головы» были размыты, да и на самой голове больше рассмотреть ничего было невозможно. Даже предположить, какому животному может принадлежать эта часть туловища, было крайне затруднительно.

Если, конечно, это вообще была часть туловища.

– Ну, ладно, – рассмотрев внимательно снимок, сказал Бейтс. – А что сейчас с пятой вакуумной?

– А давай позвоним ребятам, – сказал Абрахамс.

Гил смотрел в окно. Как-то незаметно они пролетели полторы сотни километров, которые отделяли их от предгорий. Дорога начала петлять, и дальше их путь проходил чуть ли не по серпантину, поэтому водитель автомобиля снизил скорость.

Между тем Абрахамс вполголоса долго говорил по телефону. Потом выключил трубку, сунул аппарат в боковой карман куртки, и сказал:

– Ребята говорят, что, мол, внутри камеры искрит. Что-то происходит, но что – непонятно. Показания приборов упорядочились – внутри частичный вакуум, температура равна температуре окружающего воздуха, магнитные и электрические поля не меняются.

И это, Гил, самое странное. Как могут появляться искры, если не меняются ни магнитное, ни электромагнитное поля? В любом случае, там возле камеры – Ульрих, и он говорит, что, судя по-всеому, опасности никакой нет. Но на всякий случай Ульрих прекратил все работы в лаборатории и удалил людей из помещения.

Ульрих Клаузих был руководителем лаборатории вакуумной сборки плат процессоров.

Между тем автомобиль ехал по центральной улице деревни, вскоре свернул на дорогу, ведущую к въезду в Изумрудную долину. Здесь Бейтс и Абрахамс пересели в электромобиль, а водитель повел Вольво на автостоянку.

Электромобиль неторопливо ехал по дороге, огибающей скалу. Вскоре открылся вид на долину. Слева, у подножия северных скал, виднелись несколько крупных обломков, которых раньше не было. А впереди темнели корпуса.

Второй из них и был корпусом, где размещалась лаборатория с вакуумными камерами.

У входа их встречали. Несколько охранников поздоровались и, открыв дверь, пустили своих боссов внутрь.

Поднявшись на второй этаж, Бейтс и Абрахамс вошли в огромное помещение с высокими потолками, без окон, а потому с многочисленными светильниками на стенах и потолке.

Светильники горели. Перед Бейтсом предстали три ряда вакуумных камер – стеклянных параллелипипедов с манипуляторами внутри.

Освещена изнутри была лишь одна из них. На противоположной от двери стене был размещен огромный дисплей – жидкокристаллический экран, на котором увеличенно виднелась внутренность вакуумной камеры.

К вошедшим поспешил невысокий, с копной волос, как у Эйнштейна, мужчина средних лет в спецовке. Это и был Ульрих Клаузих.

У камеры возились с какими-то приборами в руках еще несколько инженеров в спецовках.

– Все пропало несколько минут назад, – вполголоса доложил Клаузих. – Но так уже было несколько раз. Подождем.

Ждать пришлось недолго. Внезапно внутри камеры (Бейтс предпочитал наблюдать все происходящее на огромном экране) загорелась что-то вроде точки, она стала быстро разбухать, разрастаться, как бы обрастать плотью и все увидели – человеческую голову.

Да-да-да, короткостриженную голову белого человека с прикрытыми глазами. Его шея как бы расплывалась, уходя в никуда, поэтому впечатление было, что голова существует сама по себе – без продолжения.

В огромном помещении лаборатории воцарила тишина. И в этой тишине голова открыла глаза, нашла взглядом стоявших у дверей Бейтса с Абрахамсом и беззвучно зашевелила губами, **НЕСОМНЕННО ПЫТАЯСЬ СКАЗАТЬ НЕЧТО ОСМЫСЛЕННОЕ...**

Глава 4-я

Сейдзе Сото с криком проснулся и вскочил с постели, обеими руками держась за пах. То, что только что ему приснилось, вызвало не просто страх – это было нечто большим.

Во сне Сейдзе Сото, абсолютно голый, был распят на пыточном столе. Это было ясно ему, так как на стенах висели устрашающего вида приспособления, рядом стоял столик, накрытый белым, на котором были разложены различные медицинские инструменты, да и сам стол – оцинкованный, в каких-то грязных омерзительных потеках, наводил именно на мысль о пытках. Или о морге.

Но не это было самым ужасным.

Приподняв голову, он увидел нечто, что приближалось к нему со стороны распятых ног. Именно к тому обнаженному месту, которое называют мужским естеством.

Нечто было огромными ножницами. Кто держал их в руках – Сейдзе Сото было не видно, но вот сверкающий на свету инструмент, который медленно приближался к нему, иногда шелкая лезвиями длиной чуть ли не в полметра, был виден во всех деталях.

Вот он приблизился к паху вплотную, вот какая-то сила еще больше раздвинула его ноги, вот что-то коснулось яичек, и тогда Сото закричал. Даже не закричал – заверещал тоненьким голосом, забился на столе – и проснулся, уже стоя на ногах, крепко прижимая руками к телу то, чего только что чуть не лишился во сне...

На дрожащих, подгибающихся ногах он добрел до ванной комнаты, открыл кран с холодной водой и долго мыл потное лицо.

Потом еще раз внимательно осмотрел свое естество, как будто желал убедиться, что все на месте.

А потом японец заплакал.

Он, жесткий выдержанный человек, привыкший контролировать свои чувства, заплакал, как маленький ребенок.

Потому что в глубине души осознавал, хоть и не хотел, что все происходящее с ним – заслуженная кара.

Анатолий Васильевич Монасюк, человек с недавнего времени не связанный какими-либо определенными обязательствами и обязанностями, валялся, что называется, на диване в большой комнате.

Это был человек самой обычной внешности. Среднего роста, светлоглазый, с редеющими на макушке головы волосами с сильной проседью. От сверстников его отличала разве что некоторая молодость – выглядел он на десяток лет моложе своих шестидесяти. И взгляд светлых глаз был пытливым и умным, что выдавало человека незаурядного и, возможно, необычного.

У противоположной стены на экране телевизора мелькали картинки, что-то бубнили голоса, но это был так, фон.

Здесь необходимо отвлечься и дать пояснения. Квартира Анатолия Васильевича была двухкомнатной, вторая, меньшая по размерам, комната была одновременно кабинетом и спальней.

Здесь на столе стоял компьютер, а у стенки – диван, превращенный в удобную постель, которая почти не застилалась – зачем, считал Анатолий, делать столько ненужного – утром заправлять, вечером – опять разбирать... Чтобы утром опять застилать, и так далее.

Проснулся, встал – набросил простыню (зимой – одеяло) поверху – и до вечера. Удобно и необременительно.

Удобство, необременительность и *функциональность* – вот то, что, в частности, ценил и исповедовал в повседневной жизни Анатолий.

Одним словом, именно в силу такого отношения к жизни Монасюк в кабинете/спальне либо сидел перед компьютером, когда работал над очередной книжкой, либо спал на диване.

А всю остальная, дневная жизнь, проходила в большой комнате (когда-то их называли «залом»), либо на кухне, когда нужно было приготовить еду.

В описываемый момент Анатолий лежал в зале на тахте и листал свои книжки.

Несколько лет назад Анатолий Васильевич Монасюк написал и издал их на свои деньги. Все они были посвящены им же разработанной философской теории, которую он назвал философией биполярности.

Согласно этой философской теории, высшая цель существования и изменения в процессе существования Вселенной и вообще всего Сущего – достижения тройственного мира, состоящего из двух полюсов, каждый из которых концентрировал вокруг себя все особенности мира, свойственные лишь ему, и третьей части, в качестве которой выступала среда – почвообразующая основа разделения, как называл ее Монасюк.

Согласно его теории, достижение полной гармонии – то есть образования такой вселенской конструкции – невозможно. Но именно стремление к ней порождает движение, постоянное изменение окружающего мира, то есть – все, что происходит вокруг нас.

Анатолий даже создал структурно-логические схемы действия вселенских законов в рамках своей теории, а также разработал и обосновал новый философский закон – закон биполярности.

Книжек, посвященных этому вопросу, им было написано пять, все разосланы по крупнейшим библиотекам (включая библиотеку конгресса США). Но результат от этого был нулевой – никто не заинтересовался, никто не откликнулся, и Анатолий дальнейшую работу забросил.

Сейчас он обдумывал сюжет романа, над которым собирался поработать. А пока отдыхал, набираясь сил перед новым рывком – так называл он работу над очередным трудом, поскольку если уж начинал писать – то делал это самозабвенно, ежедневно и не прерывал работу, пока не заканчивал.

Полистав свой очередной труд, он решил, что не мешает позвонить своему другу Борису – поинтересоваться о самочувствии, и вообще...

В далеком от России Лондоне по своему кабинету буквально метался Павел Абрамович Осиновский. Он мерял обширное пространство комнаты мелкими шажками, передвигаясь из угла в угол, и что-то бормотал себе под нос.

Только что ему позвонил давний знакомый, некогда деловой партнер, а ныне, как и Павел Абрамович, миллионер в изгнании, Абраша Утинский.

Абраша примерно в то время, когда Осиновский был в России, что называется, «на коне», первым совершил ошибку, которая и заставила Утинского спешно покинуть родину, правда, предварительно переведя за рубеж все активы и банковские вклады. Скрылся он на просторах Пиренеев – кто говорил, что в Португалии, кто – в Испании. В любом случае, на некоторое время все его связи с Пашей Осиновским были прерваны.

Когда Паша, по примеру Утинского, вынужден был скрыться от пристальных взоров властных (и правоохранительных) структур российского государства, Утинский как-то легко и быстро, не в пример российским властям, разыскал в Лондоне Осиновского, и они иногда перезванивались, обмениваясь информацией.

В отличие от Паши, возвращаться в Россию он не собирался. Дело в том, что Генеральная прокуратура России сумела доказать, что большая часть переведенных за рубеж Утинским денег – украдена, и давно уже пыталась деньги эти в зарубежных банках найти и, по возможности, вернуть.

То есть, конечно, по мнению российских предпринимателей – деньги Утинским были ЗАРАБОТАНЫ, пусть с некоторыми нарушениями закона, но именно заработаны.

Но дело в том, что взгляды предпринимателей и прокуратуры на данный предмет с некоторых пор оказались диаметрально противоположными.

И вот сегодня, да что там просто сегодня – вот только что, Утинский позвонил и сообщил, что ему достоверно известно – вчера Генпрокуратуре России было дано «добро» на аналогичные действия в отношении Осинковского.

Российские власти покусились на самое дорогое для Паши – его деньги.

Утинский, правда, мог и ошибаться. Ну, а если нет? Тогда...

«Нет, – думал Павел Абрамович, – меряя шагами пол кабинета, – нужно что-то придумать. Президента нужно менять!»

Но как?

В далекой от Англии Джакарте Того Накаяма приступил к работе.

Не составляло труда разыскать дом Каладжи Неру. Восемидесятилетний предприниматель был своеобразной достопримечательностью деловой части населения столицы Индонезии, а потому и в телефонных справочниках, и в компьютерной базе данных городского управления все необходимые сведения Накаяма получил сравнительно быстро.

И тут появилась первая странность.

Не было ни среди проживающих в Джакарте, ни среди работающих или пенсионеров никакой Мио Неру.

Да, предприниматель и домовладелец Каладжи Неру в Джакарте был, а вот Мио Неру – нет.

Предстояло познакомиться с домочадцами Каладжи, которого, действительно, в городе сейчас не было. Но именно это могло помочь получению информации от тех, кто жил рядом с Неру уже давно и мог сообщить сведения, необходимые Того Накаяме.

А в Изумрудной долине кипела работа.

После первого изумления, вызванного увиденным, Бейтс быстро пришел в себя и стал таким Бейтсом, каким его знали все – человеком сдержанным, холодным, а потому спокойным и основательным.

Прошли давно те времена, когда Джанни Абрахамсу приходилось время от времени охлаждать горячие порывы своего друга и партнера.

– Сделайте голографическое объемное изображение ЭТОГО... Через час в моем кабинете совещание. Джанни, я хочу, чтобы кроме Клаузиха и тебя, в моем кабинете был кто-нибудь из аналитического отдела.

Ульрих, теперь ты. Оборудуйте пятаю камеру приборами для получения объемного изображения, саму камеру оградите так, чтобы никто, кроме нас, доступа к ней не имел.

Наша голова говорит беззвучно, значит, услышать что-либо лишнее никто не сможет. Поставьте охрану возле ограждения, и пускай цех работает по обычному графику. У нас ведь здесь работа в одну смену?

Клаузих кивнул, взметнув шапку волос:

– Да, основные работы ведутся днем.

– Значит, мы сможем общаться с нашим гостем по ночам. Так что пока экран переключите на обычный режим – визуальный контроль за работой всех вакуумных камер, кроме пятой. А вот аппаратура наблюдения за происходящим внутри пятой камеры должна работать постоянно – мы ведь не знаем, когда следующий раз появится изображение... Да, и если оно

будет появляться время от времени – определите периодичность. Все это нам может понадобиться.

Абрахамс тронул Бейтса за локоть.

– Послушай, Гил. У меня такое чувство, что ты что-то знаешь об этом, словно бы был даже как-то готов к этому явлению из ниоткуда. Может быть, объяснишь нам?

– Джанни, я все расскажу у себя в кабинете через час.

В служебном здании находились кабинеты только тех администраторов, подразделения которых были непосредственно задействованы в работе основных корпусов Изумрудной долины. Были здесь кабинеты также Бейтса и Абрахамса, хотя большую часть времени они проводили или в Женеве, или в Нью-Йорке – в основных офисах корпорации Бейтс Индастриз.

Правда, сам Бейтс предпочитал Женеву.

Глава аналитического отдела, Мария Оверман, высокая, что называется – крупная, женщина, была тем не менее прежде всего профессионалом-аналитиком и лишь после этого – женщиной.

Она носила джинсы, свободные свитера и пуловеры, много курила и много работала.

А потому семьи у нее не было. Но были острый ум и профессионализм, и именно она держала руку на пульсе международных связей корпорации, отслеживая все текущие изменения в мировой экономике и возглавляя перспективное планирование работы Бейтс Индастриз.

Сейчас, сидя в удобном кресле возле длинного стола в зале для совещаний, она потягивала сигарету и пикировалась с Клаузигом, подтрунивая над пышной прической инженера, очень похожей на копну волос на голове знаменитого физика.

Сама Мария предпочитала простоту и удобство, а потому стригла волосы коротко.

Клаузиг, усмехаясь, отбивался.

В зал вошли Бейтс и Абрахамс. Клаузиг встал, подошел с аппаратуре, установленной в противоположной стороне от кресла Бейтса и завозился там, что-то подключая и регулируя. Затем, держа в руке пульт дистанционного управления, сел на место.

Бейтс уселся в кресло во главе стола, Абрахамс – в кресло по правую руку. Мария Оверман и Ульрих Клаузиг оказались напротив него.

– С чем мы имеем дело, продемонстрируйте нам, – сказал Гилмори Бейтс Клаузигу.

Ульрих направил пульт в сторону дальней стены, надавил одну кнопку, потом другую. Возникло объемное изображение головы.

– Когда сделана эта съемка? – спросил Абрахамс.

– Минут двадцать назад. Когда наш гость появился снова. Мы успели поставить съемочную аппаратуру.

Мария, приоткрыв рот, смотрела на голову. Вот та повернулась вокруг оси, и, словно бы именно Марии, что-то сказала, беззвучно шевеля губами.

– Ну, Гил, ты обещал объяснить нам, что это такое. Давай, мы ждем!

Гилмори Бейтс помолчал. Он обдумывал, как им объяснить и что именно сказать. А о чем лучше умолчать – он не собирался говорить всего. Скорее всего, здесь все замешано на далеком прошлом, о котором даже Джанни Абрахамс ничего не знал.

Но что-то объяснить им нужно. Даже необходимо...

И Гилмори принял решение.

– Тут какая-то странная цепочка совпадений. Вот ты, Джанни, сказал там, у вакуумной камеры, что я как-будто чего-то такого ждал.

А знаешь, наверное, ты прав – именно чего-то ждал. Сам не зная чего.

Дело вот в чем.

С недавних пор меня стали мучить ночные кошмары. Ну, страшные сновидения – вы ведь если не сами видели такие сны, то слышали каждый от кого-нибудь что-то подобное, не так ли?

Сидящие переглянулись и закивали – в смысле, конечно, что это такое – все знают.

– Когда вчера я был с племянником на ярмарке – я летал к брату в Джорджию... – Все вновь закивали, потому что знали о брате своего патрона, знали об отношениях между братьями и о том, что единственный наследник – именно племянник Бейтса, о котором он говорил. – Так вот, там, на ярмарке, я каким-то образом оказался в палатке у предсказательницы-цыганки...

Я никогда не верил всем этим колдунам и предсказателям. А тут вдруг сижу перед цыганкой с ее хрустальным шаром, и она мне говорит что-то вроде того, что мне грозит страшная беда, что меня спасет кто-то... – он пошевелил пальцами в воздухе.

– Они всегда так говорят, – встрял Клаузих. – Гил, вы что же, фильмов ужасов никогда не видели? Цыганки предсказывают, проклинают, ну, и все такое, но это же все выдумки!

Гилмори кивнул:

– Я же говорю – сам не знаю, как оказался с ней в палатке. А дальше она сказала, что спасет меня неживой и живой.

И когда я увидел эту голову...

– Гил, – перебил его Джанни Абрахамс, – но какое отношение может иметь это явление к предсказанию? Хотя она как-будто пытается что-то сказать...

– Правильно, Джанни, вот и давайте выясним, что это за голова, что она говорит, и вообще – она мертвая или живая? Наконец, почему это в нашей вакуумной камере появляется ни с того ни с сего какая-то штука... Клаузих, вам ведь это интересно?

– Гил, я и хотел предложить именно это! Все происходящее касается в первую очередь меня! Не знаю, кто и от чего вас должен спасти, на мой взгляд – разве что спасти от глупости, не обижайтесь, Гил!

– Все в порядке, продолжайте, Ульрих.

– Так вот, это в *моей* вакуумной камере произошла эта чертовщина, потому что это *мой* цех производства процессоров, и производство это – тоже на *мне*. И значит – именно *я заинтересован* узнать, что это за голова, кому она принадлежит, и почему появилась в Изумрудной долине, а не где-нибудь в цехе заводов БМВ.

– Вот! Не знаю, к чему Ульрих приплел заводы БМВ, но он четко обозначил все, что нам предстоит сделать.

Во-первых, что это за голова? Во-вторых, что она пытается нам сказать? И в третьих, кому она принадлежит? Вообще, есть ли в реальности человек, чьей может быть эта голова? Или – был ли такой человек?

– Лучше, если бы это все-таки оказался живой человек, – мрачно произнес Абрахамс. – Ну, и как все это можно узнать?

– Можно, и довольно легко, – вступила в разговор Оверман. – Правда, и времени это потребует, и денег, да и людей нужных немало придется задействовать.

– Давайте рассуждать, – продолжила Мария, раскурив сигарету. – Ну, о том, чтобы узнать, ЧТО ЭТО за голова, должен позаботиться Ульрих. Это – инженерная и научная загадка, а так как все произошло в его цехе-лаборатории, где у него есть и необходимые приборы, и необходимые люди, пусть Клаузих занимается исследованием этой стороны загадки. Ты как, Ульрих, считаешь, я права?

Клаузих кивнул.

– Конечно. Я займусь этим.

– А вот исследовать природу головы с антропологической точки зрения должен соответствующий специалист.

Джанни наклонился над столом и прищурился:

– Мы что, допустим к *этому* кого-то со стороны?

Мария в ответ улыбнулась ехидной улыбкой:

– А вы, Джанни, способны, исследовав голову, определить, кому хотя бы ПРИМЕРНО может принадлежать голова – кавказцу, норвежцу или англичанину? Может быть, вы умеете читать по губам? Единственное, что определите, так это то, что по внешнему виду голова не может являться частью азиата, ну, и представителя вашей собственной расы, естественно, тоже.

Господа! – Мария аккуратно стряхнула пепел сигареты в пепельницу. – Во-первых, нам не обойтись без ученого-антрополога. После него будут просто необходимы специалисты-сурдопереводчики, причем множество – вряд ли антрополог определит национальность нашего гостя, он определит группу, к которой принадлежит по своему строению голова. Ну, германская, тюркская, славянская, да мало ли...

Сурдопереводчик определит язык объекта, возможно – поймет, что пытается нам сказать это существо..

И лишь после этого мы получим возможность *попытаться определить, кто это, и, может быть, нам удастся найти человека, которому принадлежит эта голова*. Если только он существует среди живых.

Она загасила сигарету, и продолжила:

– Поверьте, я, может быть, что-то упустила, но без того, что сказала, нам не обойтись.

И еще нам нужен человек, который будет заниматься этой проблемой. Компетентный, умеющий молчать.

Абрахамс оживился.

– Я могу это взять на себя на первых порах. А когда необходимо будет заниматься поисками конкретного человека, живого или мертвого, передам все в другие руки.

Гил Бейтс, который молчал все это время, о чем-то думая, пристукнул ладонью по столешнице и сказал:

– Вот на этом давайте и закончим, Оверман. Вы все толково распланировали. Как, и всегда, впрочем.

Джанни, займись этим немедленно, пусть Мария тебе поможет разыскать всех необходимых специалистов.

Мария Оверман кивнула и встала, отодвигая кресло.

– Ульрих, вы будете снабжать необходимым научным материалом тех, кто будет заниматься этим делом – нужны будут фотографии, множество видеопленок для сурдопереводчиков – все это на вас.

– Все сделаем, – ответил, вставая, Ульрих Клаузих.

Глава 5-я

Сейдзе Сото провел еще одну неприятную ночь, но все кончается когда-нибудь, все остается в прошлом...

Но все ли?

Ведь именно то, что, как много лет считал он, должно было остаться в далеком прошлом, покрыться пеплом десятилетий, кажется, вернулось сейчас к Сейдзе Сото, сомнений у него в этом не было.

И оно, как теперь становилось ясно, не вернется назад само по себе, это Сото уже понял.

Он принялся набирать номер мобильного телефона находящегося в Джакарте Накаямы, но, переговорив с ним, ничего нового не узнал.

Каладжи Неру находился на Того-Паго – но это было уже известно.

Однако появилась новая загадка – куда подевалась Мио Неру?

Сейдзе Сото отключил связь с Джакартой и задумался.

Звонить или не звонить Гилу Бейтсу? И если звонить, то что именно говорить ему?

Джанни Абрахамс вызвал к себе Ульриха Клаузиха.

– Ульрих, – сказал он, – мы, кажется, нашли нужного нам антрополога. Это специалист по определению расовой принадлежности человека по каким-то там узловым точкам его черепа.

Вот что меня смущает. Мы не можем передать ему обработанную на компьютере объемную видеозапись в том виде, в каком сами получаем эту голову через пятую камеру. Этот ученый просто испугается, увидев голову, которая растет неизвестно откуда.

Клаузих, профессионал и ученый, мгновенно сообразил, что именно хочет ему сказать Абрахамс.

– Вы хотите, чтобы мы «приделали» голову к какому-нибудь туловищу с использованием программы компьютерной графики?

– Ни к какому-нибудь туловищу, Ульрих. Пусть твои научные кадры – а у тебя их в цехе полным-полно, изобразят такое туловище, чтобы только тщательная экспертиза могла определить подделку. Наш ученый не должен заподозрить ничего. И помни, что он – антрополог, следовательно, знает все о человеке, а не только лишь разбирается в черепах.

Клаузих задумался.

– Джанни, но тогда придется использовать для моделирования туловища живых людей, а не какую-то абстракцию.

Абрахамс, приподняв, красиво поиграл бровью, а затем, наморщив лоб, спросил:

– Ну, и что нас беспокоит?

– А то, что ваш антрополог может попытаться для более точного определения принадлежности нашей головы взять, и использовать все тело. Он ведь наверняка и в скелетах разбирается не хуже, чем в черепах, ведь так?

Абрахамс кивнул, и, поразмышляв несколько секунд, сказал:

– А что, если мы после того, как приделаем туловище, как бы обрежем изображение на уровне плеч. И дадим задание определить именно по форме головы то, что нам нужно?

Настала очередь задуматься Ульриху Клаузиху.

– Думаю, это можно сделать. Ограничим картинку до плеч, и в таком виде сделаем объемное вращающееся видеоизображение. Но я думаю, мы можем все сделать проще.

Давайте с компьютерного изображения сделаем скульптурную объемную композицию нашей головы. Причем размеры выдержим в точности, без искажений. И передадим вместе с изображением эту модель.

Джанни Абрахамс моментально уловил мысль Ульриха.

– Это было бы вообще идеальным решением. А что, есть такие специалисты?

– Да полным-полно. У меня ребята многие балуются этим – делают в натуральную величину птичек, ну, и различные предметы – смотря у кого какое хобби.

– Тогда договоримся так. Срочно попросите лучшего из них заняться изготовлением скульптуры. А компьютерную композицию для него сделайте сами. В этом случае вряд ли нужно так уж тщательно искать нужное туловище – просто сделайте так, чтобы у вашего парня не возникли вопросы – вот и все. Сможете придумать, что ему сказать?

– Конечно. Ну, готовлю подарок другу на день рождения, например, вот и решил сделать его скульптурный бюст.

– Ульрих, главное – после того, как вам отдадут скульптуру, сравните и размеры, и вообще конфигурацию с реальными. Мы не можем передать антропологу неточное изделие – вы понимаете, о чем я?

– Конечно. Компьютеры позволяют сделать сравнение, и причем быстро.

Антрополог Джорджтаунского университета Берни Джоунс торопливо поднялся по лестнице, ведущей к двери корпуса естественных наук университета. Здесь находилась антропологическая лаборатория – гордость университетского руководства и лично Джоунса. Главная ценность антропологической лаборатории – коллекция человеческих черепов представителей всех рас и множества народов мира. Все четыре стены занимали застекленные стеллажи, на которых располагались снабженные табличками с необходимыми пояснениями черепа. Без преувеличения можно было сказать – в области определения по узловым точкам любого человеческого черепа принадлежности его к какому-либо расовому типу и с высокой степенью вероятности – народу, специалиста более квалифицированного, чем Берни Джоунс, в США не было. Да что там в США – пожалуй, не было и в Европе. Поэтому именно с ним связался сам Джанни Абрахамс – ближайший помощник Гила Бейтса, владельца крупнейшей транснациональной корпорации Бейтс Индастриз и весьма уважаемого в научных кругах, к которым принадлежал Джоунс, человека. Он попросил его, причем подчеркнул, что просьба строго конфиденциальная, провести исследование изображения человеческой головы и дать заключение – к какому народу она может принадлежать? Для исследования ему самолетом направили и скульптуру, и компьютерное объемное изображение человеческой головы.

Профессор Джоунс спешил в лабораторию. Утром ему позвонили из канцелярии факультета и сказали, что на его имя прибыли посылка и бандероль. А так как значительность заказа была покреплена уже полученным им чеком на весьма небольшую сумму, Берни Джоунс спешил отработать заранее оплаченный заказ.

А в Сибири в своей квартире Анатолий Васильевич Монасюк сидел на диване и перебирал фотографии, пачками лежащие между страницами альбома.

Как уже упоминалось, Анатолий Васильевич был человеком незаурядным и необычным. Вот как раз об этом он и размышлял сейчас, перебирая фотографии.

Как получилось, что закончив школу, а затем и институт, он не имеет того, что есть практически у каждого – групповых выпускных фотографий своего класса и своей институтской группы? В которой, кстати, он был бессменным старостой все четыре года?

А впрочем, ладно, нет фото. Но ведь у него на данный момент нет не то, что ни одного школьного или институтского друга, у него нет ни одного телефона своих товарищей по учебе? Как такое могло получиться – к близкой фактически теперь уже старости он стался чуть ли не один?

А взять последние двадцать лет работы – учителем общеобразовательной школы? Ведь в школах жизнь кипит ключом, все построено на тесных связях учителей друг с другом – и с учениками. Но ведь и здесь он ухитрился выбрать направление работы, где он оставался

в одиночестве. Индивидуальное обучение больных детей – работа эта подразумевает занятия на дому с учениками, причем один на один.

В результате – у него и на работе не осталось близких ему людей...

Странно все это...

Но ведь если задуматься, то странности преследовали его уже с самого детства, точнее, еще в школе.

Это ведь только представить себе – как можно было так сдавать выпускные экзамены – учить по каждому предмету лишь первые четыре билета, и ухитриться на каждом экзамене вытащить билеты с номерами от первого до четвертого?

Ну, на что он надеялся? Как можно было ТАК РИСКОВАТЬ?

Но насколько легко дались ему эти экзамены, настолько тяжело приходилось ему всю последующую жизнь воплощать свои мечты и желания, даже – небольшие...

Да-да, если подумать, желания-то у него были – так себе, мечты – самые приземленные... Поэтому он, конечно, всего добивался, но с каким трудом...

А ведь вокруг было множество людей, которым все (ну, или хотя бы кое-что) давалось легко, как говорится – играючи. А сколько сил он, Анатолий, тратил каждый раз?

Не потому ли в данный момент ему ничего такого уже и не хочется?..

Но разве на этом заканчиваются все странности?

А эта странная способность угадывания времени, когда на экраны кинотеатров вновь выйдет старый фильм? Началось ЭТО еще в молодости, когда ему было лет тридцать. Стоило ему вспомнить какой-нибудь старый кинофильм и подумать что-нибудь вроде: «Что-то давно не показывали... а хорошо бы посмотреть снова...», и вот тебе, пожалуйста – через одну-две недели кинофильм появляется либо на экранах кинотеатров, либо его показывают по телевидению. Как по волшебству!

Кстати, эта его особенность нет-нет, да и проявляется до сих пор.

Или экстрасенсорные способности, которые вдруг появились у него несколько лет назад – Анатолий, правда, значения им особого не придавал, развивать не старался, но приступ боли легко мог снять у любого – неважно, что болело, зубы, сердце или печень...

Или совсем уж недавно – он, сидя у экрана телевизора, вдруг стал явственно ощущать запахи того, что *видел по экрану – цветов, которые преподносили певицам на сцене, пиццы, которую ели герои фильма...* Но это – ладно, а вот совсем недавно...

То, что с ним стало происходить по ночам, он объяснить никак не мог. Он просыпался ночью и оказывался в какой-то серой мгле, в которой словно бы в каком-то другом мире неспешно текла некая жизнь: пол покрывали листья каких-то растений, иногда на полу что-то делали существа вроде муравьев – они копошились на полу среди листьев...

Иногда он как бы находился в воде: она чуть-чуть колыхалась, в ней неспешно плавали алые рыбы...

Что интересно – Анатолию не было страшно. Наоборот, одолевало любопытство – что это? Пару раз он протягивал руку к этому ирреальному – но предметы и существа словно отступали перед протянутой к ним рукой.

Анатолий аккуратно закрыл альбом, встал с дивана и положил его в ящик серванта.

Он подошел к окну.

Если уж думать о странностях, то как расценить, что вот он ушел на пенсию, а его никто даже не попытался убедить остаться и еще поработать несколько лет... Да что там – не попытался убедить. Никто как будто и не заметил, что вот был такой А. В. Монасюк – и не стало его.

Получается, что всегда и везде он был чужим. Именно так – не необычный, а просто-напросто чужой.

Наверное, именно поэтому самая большая странность, случившаяся с ним в прошедшую новогоднюю ночь, вообще могла иметь место... И вот теперь фактически в нем одном – словно бы мирно сосуществуют два Анатолия Васильевича Монасюка...

Анатолий отошел от окна и подошел к серванту. Открыв выдвижной ящик, достал старую потертую от времени папку с документами и порывшись в толстой стопе дипломов, удостоверений и других документов, нашел среди них конверт. Подержал его в руках и положил обратно. «Будем надеяться, адресат со временем это послание получит», думал он, завязывая веревочки папки и засовывая ее на место.

(ПРИМЕЧАНИЕ: О невероятном событии, случившемся в Анатолием Васильевичем Монасюком в новогоднюю ночь 2007 года – читать роман В. Полищука «И на этом все...»)

Анатолий пошел на кухню и включил электрочайник. Достал чашку, насыпал в нее заварку и принялся ждать, пока чайник закипит.

Он подумал, что всю жизнь его преследовало какое-то странное чувство. Ощущение, что с ним что-то должно произойти. Что-то необычное, важное, такое, что перевернет всю его жизнь.

Он все время словно бы чего-то ждал...

Наверное, именно это ожидание заставляло его постоянно делать что-то бессмысленное, ненужное. «Ну, и зачем это тебе надо?» – бывало, говаривали его друзья...

Тогда, давно, когда они еще у него были.

Прошло несколько дней, когда Гилмори Бейтс, покончив с обязательными ежедневными делами, уже ближе к вечеру вызвал к себе Абрахамс.

– Как наши дела, Джанни? – спросил он, пожав руку Абрахамсу и жестом показывая тому на кресло.

– Гил, – сказал Абрахамс, удобно устроившись в кресле. – Все необходимое пока делается быстро – мы нашли ученого-антрополога, Мария сказала, что он – лучший в цивилизованном мире в этой области. Я сам созвонился с ним от твоего имени и все объяснил. Он согласился сделать для нас эту работу.

Клаузих со своими ребятами изготовили скульптурный бюст головы в натуральную величину, на компьютере сделали объемное изображение.

– А что, такое теперь делают? Я имею в виду – можно вылепить скульптуру, не имея перед собой натуры объекта?

– Да, Гил. Оказывается, таким скульптурным моделированием с использованием компьютерных объемных изображений занимаются многие. Модное хобби. Ульрих лично провел сравнение скульптуры с натурой – получилось один в один.

Я послал чек Берни Джоунсу – так зовут нашего ученого, он из Джорджтаунского университета. Утром мы отправили самолетом бюст и DVD-диск с объемным изображением профессору, он уже, наверное, начал работу.

– Хорошо, – сказал Бейтс. Он налил себе и Абрахамсу в стаканы минеральной воды.

– Гил, ты не хочешь сказать мне, с чего это голова так тебя беспокоила? Дело ведь не только в предсказании какой-то там цыганки?

– Джанни, поверь, вы все знаете достаточно. Пока достаточно. А потом – посмотрим.

Глава 6-я

Профессор Берни Джоунс распаковывал посылку. Включенный компьютер уже переваривал информацию заложенного в него диска, на экране медленно вращалось изображение человеческой головы.

Джоунс разобрал содержимое посылки и достал аккуратно завернутый в несколько слоев ткани скульптурный бюст.

Он поставил его перед собой на стол. Потом встал, отошел на несколько шагов и некоторое время рассматривал скульптуру издали. Обошел вокруг стола, теперь уже не спеша рассматривая изображение головы со всех сторон.

Так, в неторопливом созерцании, он провел некоторое время.

Теперь пришел черед компьютера.

Джоунс сел перед экраном и принялся манипулировать клавишами клавиатуры. Он нашел текст и еще раз внимательно прочитал задание.

Что ж, оно было предельно простым – используя как исходный материал скульптурное изображение (компьютерное было вспомогательным) определить, какому народу принадлежит череп головы, причем желательно определить принадлежность как можно точнее.

Берни Джоунс хмыкнул себе под нос – он уже сейчас мог приблизительно сказать, представителю какой языковой группы может принадлежать голова.

Но он был не просто профессионалом в своей области и одним из самых известных ученых-антропологов страны.

Он отдал своему делу десятилетия. И добился известности по заслугам.

Профессор Джоунс – впрочем, тогда еще не профессор – открыл свой собственный метод антропологического исследования головы человека. Для этого он использовал работу известного русского ученого Герасимова, который научился по узловым точкам черепа, путем сложных расчетов восстанавливать мягкие ткани лица и головы в целом.

Молодому тогда еще Джоунсу удалось разработать, так сказать, обратный метод – путем не менее сложных расчетов он мог, не убирая мягких тканей головы, получать модель черепа конфигурации высочайшей степени точности – до 99 процентов.

Именно эта его работа легла в основу докторской диссертации, которую Берни Джоунс блестяще защитил, а чуть позднее стал и профессором.

Именно тогда, работая над методом, он начал пополнять коллекцию черепов антропологической лаборатории Джорджтаунского университета.

Сейчас предстояло, используя его метод, получить свою модель черепа. Это не заняло много времени, так как Джоунс использовал им же самим разработанную программу компьютера.

Прошло около часа. Берни Джоунс вновь стоял у стола, но теперь он внимательно рассматривал медленно вращающийся на экране человеческий череп.

Хотя он и был уверен, что сделал работу правильно, как всегда, он, используя теперь уже расчеты Герасимова, «нарастил» ткани – и вот уже на дисплее вращалась голова, как две капли воды похожая на скульптуру, стоящую тут же, на столе, рядом.

Проверка была закончена.

Теперь можно было размечать на поверхности костей черепа узловые точки и линии между ними, которые необходимы для проведения математических расчетов и выведения формулы. Она-то и была нужна в конечном итоге – каждый символ формулы выражал некую особенность, свойственную лишь данной расовой, языковой группе народов планеты.

Джоунс принялся за самую кропотливую часть работы.

Анатолий Васильевич Монасюк, сидя на кухне квартиры своей дочери, пытался воспитывать внука,

Семилетний Митя, очень и очень резвый для своих лет ребенок, возился на полу рядом с ногами деда и изучал инструкцию игры «Лего». Его единственный дед иногда, подкопив денег, покупал ему очередной блок этой скандинавской конструкторской игры.

Сегодня у Мити был день рождения, Анатолий Васильевич пришел первым, и пока дочь побежала в магазин – она, как обычно, что-то там забыла купить к праздничному столу – дедушка и внучек затеяли спор воспитательного характера.

Воспитательный процесс шел, что называется, туго, с трудом. На каждое слово деда внук находил отговорку, демонстрируя живость мышления и широту взглядов, большинству детей возраста Мити не свойственную. Оно было и понятно.

Митя выучил буквы алфавита года в четыре, лет с пяти уже читал, и теперь, перед выходом в первый класс школы, перечитал все детские энциклопедии, которые у него были.

Анатолий Васильевич начал дарить внуку «Лего» лишь недавно – всего второй день рождения, а до этого ежегодно покупал ему на день рождения очень большие, подробные детские энциклопедии по самым разнообразным отраслям наук и областям знаний.

Внук все это прочитал, осмыслил в рамках своих возрастных возможностей, и теперь, в ожидании начала празднования собственного семилетия, спорил с дедом, можно сказать, на равных.

Предмет спора был следующим.

Должен ли ребенок, если он пришел в гости, и ему что-то не нравится у взрослых, иметь возможность открыто высказывать свое отрицательное мнение, или должен, как подобает, по мнению деда, молчать и терпеть, поскольку (это опять же мнение дедушки) дети должны «молчать в тряпочку» именно в силу того, что они еще – дети, и открытое выражение негативных эмоций есть проявление неуважения к старшим.

Анатолий Васильевич считал – дети должны помалкивать – нравится им что-то во взрослом, или не нравится. Нет, спорил с ним хитроумный Митя, дети должны «выбрасывать» отрицательные эмоции, которые копить в себе вредно.

Внук возражал, ссылаясь на «Энциклопедию поведения детей», чуть ли не наизусть цитируя ее содержание. Подобную детскую литературу покупала сыну мама – психолог по образованию и профессии.

Монасюк был категорическим противником подобных книг, считая, что они несут чуждое для русского человека западное влияние и развращают детский ум.

Дед любил внука, внук – деда. Так что подобная пикировка могла продолжаться долго, тем более, что участие в ней не мешало Мите изучать инструкцию.

– Все, деда! – сказал он. – Когда вы все уйдете – я соберу «Лего», тут все понятно написано.

И Анатолий Васильевич Монасюк понял, что последние полчаса он зря «сотрясал воздух» – что называется, не в коня корм.

Внука переубедить ему не удалось.

Как не удавалось переубедить дочь, которая считала, что точка зрения Мити верна. Да ведь она сама и воспитывала сына в духе этих новых педагогических теорий, пришедших в страну, как считал Монасюк, с запада, а следовательно, россиянам чуждых.

Анатолий Васильевич Монасюк, напротив, старался во всем придерживаться традиционных, старых методов, в том числе – и педагогических.

Он вообще был сторонником всего устоявшегося, долговременного, ненавидел любые перемены.

Поэтому происходящее вокруг оценивал негативно – ему не нравились рыночные отношения уже потому, что построены они на конкуренции, а следовательно – постоянном внедрении чего-то нового. Ведь конкуренция и нечто устоявшееся – вещи несовместные.

Монасюк был педант. А как известно, такие люди – самые ярые сторонники всего устоявшегося.

В Робертсвиле – самом крупном поселении архипелага Того-Паго, кипела работа. Ребята из якудзы закупали в магазине необходимое для морской прогулки снаряжение – надувные лодки с мотором, удочки и снасти.

Следы Каладжи Неру, похоже, терялись на вновь возникшем из океанских глубин несколько лет назад острове.

Что мог там делать восьмидесятилетний старик – было неясно.

Загадкой также представлялось, один он там, или нет – на вопросы о том, кто еще может быть на острове, жители Робертсвиля лишь пожимали плечами и отрицательно качали головами.

Они либо не знали, либо, в чем был уверен Тахино Сото, по какой-то причине не хотели говорить.

Поэтому оставалось одно – плыть на остров и самим разобраться, что там к чему.

С кем и для чего находится на острове Каладжи Неру.

Задача, по мнению Тахино, сильно осложнялась тем обстоятельством, что его дядя ничего не говорил о том, чего, собственно, он хочет добиться или узнать?

В какой связи может интересоваться мультимиллиардера Сото какой-то там торговец копррой Каладжи Неру? Они ведь и по возрасту принадлежали к разным поколениям, а следовательно – где, когда и в чем могли пересечься интересы столь разных людей?

Тем временем профессор Джоунс закончил расчеты и вывел формулу. Далее он вновь двинулся самым надежным путем – он задал задачу сравнительного поиска компьютеру по базе данных, а сам, держа в руках листок с формулой, забрался на движущуюся вдоль стеллажей по направляющим в полу стремянку, и стал сравнивать формулу с информацией на табличках, прикрепленных под каждым черепом коллекции.

Ему был интересен сам процесс поиска. Компьютерные программы невероятно упростили подобные процедуры, можно было вообще пощелкать клавишами клавиатуры и идти себе перекусить в кафе рядом со зданием университета.

А вернувшись, найти на экране готовое решение поставленной перед думающей машиной задачи.

Но это же было неинтересно!

Гораздо интереснее было, трогая чуть ли не каждый череп коллекции пальцами, сравнивать помещенную под экспонатами информацию с записью на листке.

Работая так, профессор Джоунс не только потакал собственным слабостям, но и убивал сразу двух зайцев.

Он работал, как говорится, себе на радость и получал два результата.

Один ему выдаст компьютер.

Второй он получит сам.

Если оба результата окажутся идентичными, значит, он решил задачу.

Безоговорочно верно.

Берни Джоунс получил результат через пару часов, и порадовался сам себе.

Он ведь так и определил сразу же, взяв в руки бюст, буквально навскидку – голова принадлежала представителю славянской группы народов.

Джоунс поставил бюст перед собой, полюбовался головой. Она принадлежала, судя по всему, отнюдь не красавцу, но человеку незаурядному. Высокий лоб, красивая линия губ, четко очерченный подбородок говорили об уме и твердом характере. Пожалуй, даже упрямстве обладателя головы.

Такой внешностью мог обладать и словенец, и украинец. Но вот нос, крупноватый, с кончиком, который русские определяют как «нос картошкой»...

Джоунс пересел к компьютеру и принялся писать экспертное заключение. Но вскоре прервал работу – ему внезапно пришла в голову интересная мысль.

Он позвонил по телефону на кафедру судебно-медицинской экспертизы своему хорошему знакомому профессору Джефу Фитцджеральду.

А почему бы и нет? В своем задании Джанни Абрахамс ничего не говорил о запрете на использовании консультантов со стороны.

Выслушав Джоунса, профессор Фитцджеральд немедленно пришел в антропологическую лабораторию – предложение, поступившее от друга, заинтересовало его всерьез.

– Где объект? – сходу спросил он, походя к столу.

Джоунс кивнул головой в сторону бюста. Джеф взял скульптуру в руки и принялся рассматривать ее. Потом спросил:

– А где компьютерное изображение? – и тут же подсел к экрану.

Он довольно долго изучал вращающееся изображение, то увеличивая, то уменьшая голову целиком и по частям.

Потом высказал свое мнение. Говорил он долго, убедительно и доказательно, но Берни интересовал лишь окончательный вывод. Фитцджеральд этот вывод сделал, и ушел, а Джоунс принялся дописывать заключение.

Наверное, не стоит вдаваться в подробности – как любой уважающий себя ученый, профессор не мог обходиться без специальной терминологии.

Поэтому приведем лишь заключительные фразы текста: *«Таким образом, вышеперечисленные признаки, произведенные антропологические измерения черепа головы и математические расчеты, а также сравнительный анализ с образцами черепов лаборатории и консультация со специалистами медицины позволяют сделать следующие выводы:*

1. Представленный для изучения и экспертизы образец представляет собой голову живого человека;

2. С очень высокой степенью вероятности череп головы принадлежит представителю одной из славянских народностей Европы.

Можно также предположить с достаточно высокой степенью вероятности, что голова может принадлежать представителю одной из восточно-славянских народностей;

3. Примерный возраст человека – от 55 до 65 лет».

Джоунс отпечатал на принтере заключение и вложил его в папку архива лаборатории. Затем отправил свое заключение по электронной почте в далекую Женеву Джанни Абрахамсу.

Дальнейшие его действия были малоинтересными – он запаковал бюст, вложил в почтовое отправление диск с компьютерной информацией об объекте недавнего исследования и отнес запакованную посылку с адресом доставки в канцелярию факультета.

Его просили обязательно по завершении исследования образец вернуть обратно. Это было частью задания, поэтому и это условие профессор антропологии Берни Джоунс выполнил.

С момента получения заключения антрополога в женевском офисе корпорации Бейтс Индастриз возобновилась работа, теперь уже – по поиску обладателя головы.

Первоочередная задача была следующей – нужно было разыскать сурдопереводчиков – профессионалов, которые «считывали» по артикуляции губ объекта информацию, которую он передавал.

Обычно сурдопереводчики были в школах глухонемых и заведениях, подобных этим школам.

Джанни Абрахамс привлек к работе над проблемой нескольких специалистов.

Сначала был определен перечень восточно-славянских народов. Было решено попробовать использовать высказанное в конце экспертного заключения профессором Джоунсом предположение, что голова может принадлежать представителю одного из именно восточно-славянских народов.

Потому что полный список славян оказался огромным.

Три народа попадали под первую проверку – белорусский, украинский и русский.

Пришла очередь компьютерщиков. Те принялись искать во всех базах данных, которые могли содержать необходимую информацию о специализированных школах, фондах и тому подобных заведениях, работающих с людьми, имеющими специфические отклонения.

Марии Оверман пришла мысль для начала проверить, достаточно ли исходного материала они имели для того, чтобы привлекать сурдопереводчиков.

Она взяла телефонный справочник, нашла адрес ближайшей школы глухонемых и позвонила туда. Ей ответили, что сурдопереводчик в школе есть, и назначили встречу.

В Женевской центральной школе глухонемых женщина сурдопереводчик специализировалась, конечно по сурдопереводу немецкого языка.

Она долго рассматривала на дисплее компьютера движения губ головы, и затем сказала:

– Чего вы хотите? Это, знаете ли, не немецкий язык.

– Я знаю, – ответила Мария, по обыкновению дымя сигаретой. – Меня интересует – смогли бы вы, если бы это был немецкий язык, понять, что голова говорит?

– Конечно. Насколько я могу определить, ваша голова повторяет два слова. Артикуляция губ четкая, читается хорошо. Но я не возьмусь определить даже звуки, которые пытается издать ваш объект. Дело в том, что произношение одних и тех же звуков в разных языках очень отличается. Ищите того, кто знает этот язык.

Оверман убедилась – если они найдут сурдопереводчиков-славян, можно будет понять, что пытается сказать голова.

Последующие несколько дней были заполнены активной работой – теперь уже привлекалось множество людей.

Как только определялась очередная школа глухонемых, иногда – фонд помощи людям с нарушенным слухом, туда тут же отправлялся кто-нибудь с компьютерным диском, содержащим необходимую для перевода информацию.

Проблема заключалась в том, что сурдопереводчики были в других странах – переводчики с белорусского – в Белоруссии, с украинского – на Украине, а вот с русского два специалиста работали рядом, в Германии и Австрии.

Именно они, посмотрев на экран дисплея, уверенно заявили, что голова повторяет одну и ту же короткую фразу: «Найдите меня!»

Оба переводчика утверждали – разночтения быть не может – по-русски произносится фраза «Найдите меня!»

Примерно в это же время (но не часы) состоялся очередной телефонный разговор Сейдзе Сото с Тахио Сото.

– Дядя, мы готовы исследовать остров. Но есть небольшая проблема, скорее – временные затруднения. Никто из коренных жителей не хочет плыть с нами и показать путь. А мы – не моряки, мы просто не доплывем, куда надо.

– Племянник, ты не скупишься? Ты предлагаешь много денег?

– Дядя, сегодня я предлагал любые деньги, чтобы найти лоцмана. Никто не хочет – ничего не говорят, не объясняют, просто машут руками. Как будто чего-то боятся.

– Тогда что ты думаешь делать?

– Сейчас немного штормит. Нам сказали, что в хорошую ясную погоду остров можно разглядеть в бинокль. Мы решили ждать – как только остров будет виден, мы сами поплывем к нему.

– Хорошо. Тахино, не нужно торопиться, но как только появится возможность...

– Я понял, дядя.

Сейдзе Сото вот уже которую ночь спал нормально – сны исчезли.

Возможно, он слишком торопится? Но как бы то ни было, изучение проблемы следовало довести до конца.

Это же он скажет и Того Накаяме, когда тот позвонит из Джакарты – не нужно слишком усердствовать – поиски следует вести осторожно и не торопясь.

Гил Бейтс был в превосходном настроении. Вот уже несколько ночей он прекрасно высыпается – снов больше не было.

Может быть, другой человек, не столь основательный, и бросил бы на этом возню с головой, но не таким был Гил Бейтс,

Ведь в предсказании четко говорилось о Неживом и Живом, причем неживой должен научить, КАК, а живой на основании этого снять проклятье.

Была и еще одна деталь, и деталь неприятная. Дважды цыганка сказала: «Помни! Он – один, а вас – трое».

Но именно о еще двоих Бейтсу даже не хотелось думать. Потому что не хотелось вспоминать.

Однако они были – еще двое. И скорее всего, ему предстояло собрать всех вместе.

Как бы то ни было, работа двигалась вперед, давала результаты. Гил Бейтс прекрасно знал, что теперь нужно сделать в первую очередь.

Итак, тот же зал заседаний, те же лица. Так же препираются Мария Оверман и Ульрих Клаузих, у противоположной стены – голографическое изображение головы, которая медленно вращается вокруг оси и беззвучно шепчет: «Найдите меня!».

Джанни Абрахамс, поигрывая бровью, в свою очередь, подтрунивает над Оверман.

А за высокими окнами – голубое небо, и яркое солнце уже всю прогревает воздух, вдали – зеленеющие деревьями верхушки низких Альп, и только Гил Бейтс знает, что вообще-то радоваться пока особенно нечему, но даже он поддается действию атмосферы благодущия и веселья и улыбается вместе со всеми.

Впрочем, стоило ему постучать карандашом по столешнице, и веселье тут же исчезло – все приняло деловой вид.

Началась работа.

– Итак, подведем некоторые итоги. Голова принадлежит русскому, скорее всего – ныне живущему где-то в России, причем голова – я подчеркиваю – не сам русский, который скорее всего ни о чем не подозревает, а именно его подобие в форме головы постоянно произносит фразу – найдите меня.

Мы уже знаем кое-что точно. Мы знаем, что делать дальше. Нужно искать и найти этого русского парня. Незаметно для него – я подчеркиваю – незаметно! Он не должен знать, что кто-то им интересуется.

Мария глубоко затянулась дымом сигареты. Клаузих откинулся на спинку кресла и с откровенным недоумением уставился на своего босса, Джанни поморщился.

– Гил, может быть, ты скажешь нам все-таки, в чем дело? Зачем эти шпионские страсти? В чем вообще важность происходящего – я не помню, чтобы мы с таким остервенением делали какую-нибудь работу?

Бейтс отмахнулся. Он не мог сказать всего. Ни сейчас, ни потом.

– Давайте просто сделаем это – и все. Думаю, если мы найдем в России нашего человека и встретимся с ним, все сразу разъяснится. Но сначала – что еще удалось узнать о нашей проблеме. Ульрих, что накопили твои ребята?

– Ничего. Мы в тупике. Мы исследовали камеру, мы исследовали все приборы, мы вообще исследовали и проверили все, что можно проверить и исследовать. Гил, эта голова не могла и не должна была НИКОИМ ОБРАЗОМ ПОЯВИТЬСЯ В НАШЕЙ ВАКУУМНОЙ КАМЕРЕ. Ей просто неоткуда взяться.

– Твой вывод?

– Он прост. Хочешь верь, хочешь не верь, но она просто появилась из ниоткуда. Хотя ее как бы и нет.

Мы не можем определить вещество, из которого она состоит. На ее месте – пустота, если верить приборам. Если мы откачиваем воздух – голове хоть бы что. Запускаем в камеру воздух вновь – никаких изменений. Правда, она перестала говорить.

– Когда? – Абрахамс привстал и склонился над столом.

– Вчера. Вам нужно знать точное время?

– Не нужно, – Оверман загасила сигарету в пепельнице. – Я вам могу сказать время. Это произошло тогда, когда мы узнали от переводчиков то, что она говорила. А было это примерно в середине дня, не так ли?

Клаузих помедлил и осторожно сказал:

– Да, получается...

Абрахамс откинулся на спинку кресла.

– Получается, что она – разумна. И каким-то образом контролирует все наши действия.

– Ну, ладно, давайте об этом подумаем после. А сейчас... Я хочу, чтобы два компьютера для Пентагона, которые испытываются сейчас в Изумрудной долине, мы использовали для поиска в России нужного нам человека.

Бейтс несколько секунд помолчал, и продолжил:

– За образец мы возьмем любое фото паспортных служб России – у них там другие внутренние паспорта, отличающиеся от заграничных. Мы делаем фото нашего гостя и ведем глобальный поиск. Через сеть Интернета проверяем базы данных всех паспортных служб...

– Но Гил, это огромная страна!

– У них там сейчас все переходят по нашему образцу на компьютерные информационные базы, так что мы его найдем. У них сохранилась централизация. Возможно, достаточно будет проверить всего лишь паспортную базу данных Министерства внутренних дел.

Ищем среди тех, кто находится в возрастном коридоре 50—70 лет – слегка подстрахуемся на всякий случай, вдруг наш ученый друг ошибся. Ульрих, займитесь этим!

Работа продолжалась.

Глава 7-я

Сверхмощные компьютеры, которые делались предприятиями Гила Бейтса, предназначались для военных ведомств, НАСА и аналогичных космических агентств различных стран мира, и, конечно, для спецслужб. Поэтому такие компьютеры, прежде чем передать их заказчику, тщательно испытывали в лабораториях Изумрудной долины, где был собран штат сильнейших программистов и хакеров, решивших посвятить свою жизнь служению корпорации Бейтс Индастриз.

Инженеры испытательной лаборатории получили паспортное фото человека и задание – найти в России с помощью компьютеров человека с фото, узнать всю возможную о нем информацию и по возможности данные перепроверить.

Первая умная машина была запущена на поиск человека с фотографии по информационным базам регионов России. Безжалостно взламывались пароли, впрочем, как оказалось, нужные для работы сведения почти не были защищены – компьютер принялся за сравнительный анализ со скоростью сотен тысяч операций в минуту и работал более трех дней, пока не закончил, выдав данные о трех человеках, соответствующих по группе признаков исходному объекту с вероятностью от 75 до 89 процентов.

Второй компьютер «обрабатывал» базу данных паспортной службы Министерства внутренних дел России.

Он справился чуточку быстрее – уже к концу второго дня аналогичные данные были получены и здесь. Они сошлись с информацией, полученной другим компьютером, правда, процент вероятности по каждому из трех кандидатов отличался, но незначительно – на десятые доли процента.

Для проверки были использованы базы данных Министерства обороны (умение работать в этом направлении особо тщательно оговаривалось заказчиками, как правило – если это были военные). Все трое оказались снятыми с учета бывшими военнообязанными, в информации из Минобороны указывалось, что перед снятием с учета они получили справки для пенсионного ведомства.

Еще день потребовался для проникновения в базу данных Пенсионного фонда России и изучения данных Фонда относительно трех выбранных компьютерами кандидатов.

Один был вот уже около трех месяцев пенсионером по возрасту – эти счастливики российские мужчины становились возрастными пенсионерами уже с шестидесяти лет!

Второй был пенсионером по выслуге лет – он проработал в милиции (так назывались полицейские службы России) 25 лет и после достижения пятидесятилетнего возраста вышел на пенсию.

Третий был 64-летним пенсионером – инвалидом 2-й группы.

Проживали все трое в самых разных местах.

Один жил собственно в России, в Сибири.

Второй проживал в городе Николаеве на Украине.

Третий – на Кавказе, в республике Азербайджан, в небольшом городке Худат недалеко от границы с Дагестаном.

Так разбросала их жизнь после развала СССР, хотя паспорта все они успели получить в России.

Эти данные и фото всех троих легли на стол Джанни Абрахамса на исходе четвертого дня.

Здесь листы бумаги с фотографиями и информацией о трех объектах быстро разобрали Бейтс, Абрахамс и Оверман, сидевшие за столом в кабинете Абрахамса.

Они время от времени обменивались бумагами и переговаривались, осмысливая полученную информацию.

Дело внезапно осложнилось – почему-то все думали, что будет найден один мужчина, а их оказалось трое, причем живущих в разных государствах.

– Что будем делать дальше? – озадаченным тоном спросил остальных Гил Бейтс. – Нельзя, не выделив из троих кого-то одного, работать дальше.

– И как мы это сделаем? Попросим нашего друга-антрополога из Джорджтауна применить его способы и найти нужного нам человека?

И Абрахамс принялся аккуратно раскладывать в ряд три листка с фотографиями на середине и столбиками текста под ними.

Оверман раздраженно загасила сигарету в пепельнице и сказала ироничным тоном:

– Господа, господа... Да если ЭТИ компьютеры не смогли однозначно сказать – вот он, единственный, кто соответствует лицу на фотографии, то антрополог тем более не сможет найти одного из трех. Ведь он работает с черепами, а не с лицами живых людей.

– Что же делать? – Джанни Абрахамс недовольно отодвинул от себя листки и откинулся на спинку кресла. – Что делать будем, я спрашиваю?

Оверман повернулась к нему.

– Джанни, мы все знаем, что каждую работу должен делать специалист своего дела. Профессионал. Я думаю, пора нам привлечь еще одного человека, причем мы должны полностью ввести его в курс дела.

Гил, вы помните, пару лет назад я убедил вас принять в наш штат одного человека? Ну, того, бывшего сотрудника ЦРУ?

Гил Бейтс задумался. Что-то такое припоминалось, а потом и вспомнилось:

– Помню. Вы упирали на его профессионализм, аналитические способности. У нас тогда произошла утечка... Он что, работает у вас?

– Не совсем. Он занимается проверкой кадров. Но видите ли, Гил...

Мария Оверман рассказала историю бывшего офицера ЦРУ, работавшего в русском отделе начиная еще со времен существования СССР, свободно владеющего русским языком и хорошо знающего когда-то советских людей, а теперь – россиян.

После ранения его перевели с оперативной работы, в ходе которой он не раз бывал и в России, и в некоторых бывших республиках СССР, на работу за столом – он занимался несколько лет аналитической работой, а затем, по достижении пятидесяти лет, вышел на пенсию.

Оверман его рекомендовал один знакомый из ЦРУ, который сказал, что этот парень – прекрасный аналитик и умеет работать с людьми. В то время в Бейтс Индастриз создавалась группа по проверке кадров – в очередной раз произошла утечка информации, представляющей коммерческую тайну, и отдел, который обязан был не допускать ничего подобного, необходимо было укрепить.

Мария встретила с Фостером Дони – так звали бывшего офицера ЦРУ, и, побеседовав с ним, организовала проверку – не является ли он человеком, которого ЦРУ таким сложным путем пытается внедрить для каких-то своих целей в корпорацию Гила Бейтса.

Дони оказался тем, кем и был – пенсионером и работником спецслужбы в отставке. Гил Бейтс посопротивлялся, так как не доверял всем этим «бывшим оттуда», но напору Оверман противостоять не смог, и Дони вот уже два года трудился в аналитическом отделе, занимаясь тем, что он хорошо умел – проверкой благонадежности кадров. И работал, насколько известно Марии, отлично.

– Видите ли, мужчины, – говорила Оверман, потягивая очередную сигарету. – Он подходит нам по всем статьям. Он умеет хранить секреты, иначе не был бы работником ЦРУ, он занимается проверкой кадров – кому, как не ему, можно поручить задачу определить, кто из трех – нужный нам человек. Наконец, он бывший оперативный работник, не раз бывал

в России и владеет русским языком. А ведь ехать в Россию придется, и мне почему-то кажется, что не один раз...

Бейтс и Абрахамс переглянулись. У Бейтса в глазах вдруг мелькнуло нечто *этакое*, Абрахамс по обыкновению поигрывал бровью.

– А что, Гил... – начал Джанни Абрахамс, – ведь это, пожалуй, находка для нас. Как его там?

– Фостер Дони, – подсказала Мария.

– Да! Этот Дони не только смог бы сделать для нас техническую работу, то есть съездить в Россию, но и, может быть, подскажет, что делать дальше? Кто подтвердит, что именно этот из трех – нужный нам русский?

– Голова подтвердит, – сказал Фостер Дони после того, как его пригласили на совещание, которое состоялось днем позже. Его уже познакомили со всеми деталями дела и объяснили, чего от него ждут. – Ведь это голова назвала того, кого хотела бы видеть. «Найдите меня» – ну, значит себя-то она безусловно ни с кем не перепутает? А если не так, она бы сказала: «Найдите Иванова, или Петрова», то есть назвала бы конкретную фамилию.

– Но она, судя по всему, не может говорить, только беззвучно шевелить губами, – сказал Гил Бейтс.

Дони улыбнулся.

Это был человек небольшого роста, плотный, но не полный, а как бы сбитый, что производило впечатление силы, не смотря на его возраст. Лицо его было улыбочивым, и вообще он весь производил впечатление добродушного веселого парня, если бы не глаза.

Глаза его – маленькие, голубые с черными точками зрачков, были колючими и внимательными. Глядя в эти глаза как то забываешь о кажущемся добродушии этого человека.

Впрочем, обычно это никому не бросалось в глаза, и становилось ясно видимым, когда Дони усиленно думал над решением какой-либо проблемы.

Сейчас он думал. Хотя и улыбался время от времени.

– Ведь все вы знаете, как легко прослушивать с улицы разговоры, которые ведутся в помещении, верно?

– Еще бы! С помощью лазерного луча, считывающего колебания оконных стекол, – сказал Ульрих Клаузих, на этот раз так же присутствующий здесь.

– Ну, вот. Лазер считывает горизонтальные колебания стекол. Нам нужно перенастроить лазер – пусть он считывает не горизонтальные, а вертикальные, и не микроколебания, а движения губ человека. Наверное, это будет не трудно сделать?

Клаузих задумался.

– Вакуумные камеры оборудованы и лазерами также. Направить на губы несколько лазеров и считывать с губ колебания несложно. Но как их расшифровывать?

– У вас есть среди рабочих цеха русские? – вмешалась в разговор Мария Оверман.

– Есть несколько человек.

– Выберите одного из них с хорошей дикцией и четкой артикуляцией губ. Считывайте лазерами, как он произносит сначала русский алфавит, затем простейшие слова. Пусть он делает это с каждым разом все быстрее и быстрее, пока не достигнет нормальной скорости разговора.

Затем нужно будет научить лазер считывать двести-триста самых общепринятых русских слов, затем пойдут выражения, обороты речи, затем...

– Затем, – перебил ее Клаузих, коснувшись руки, – мы составим программу для компьютера, которая будет переводить движения губ человека на экран в виде буквенных строчек...

– Именно на экран, а не в звуковой ряд, – сказал Дони. – Возможные ошибки считывания лазером легче определять визуально, чем на слух.

– В принципе я давно все понял, – сказал Клаузих. – Для нас сделать такой прибор несложно. Мне только непонятно – зачем вообще ехать в Россию? Мы можем просто показать нашему гостю фотографии!

– Нет-нет, Ульрих, – вмешалась в разговор Оверман. – Что можно определить по паспортным черно-белым фотографиям? Нам необходимы объемные изображения. В полный рост, в движении...

Так что ехать в Россию придется – без этого, увы, нам никак не обойтись.

Дони встал и отодвинул кресло.

– Я поехал домой собираться в дорогу. В России сейчас иностранцу проще, чем раньше, во времена СССР. Так как я говорю с легким акцентом, то побуду в России латышом.

Мистер Бейтс, сообщите в наше представительство в Москве о моих полномочиях, не посвящая в нашу проблему. Я на месте определюсь, что и как делать. И пускай а Москву перечислят необходимые деньги.

Он вышел из кабинета. За ним – Ульрих Клаузих.

Эти двое были заняты конкретным делом. Оставшиеся трое некоторое время сидели молча – они временно оказались не у дел.

Впрочем, была еще гигантская корпорация, ее жизнь, ее проблемы.

Этому все трое и посвятили себя все ближайшее время.

Фостер Дони ехал в автомобиле представительства Гила Бейтса в Москве по улицам российского столичного города и не узнавал Москву.

Обилие реклам разных форм и размеров, минимальное количество мусора и грязи на улицах столицы России поразили его – Москва за несколько лет, в течение которых он не был в России, разительно изменилась.

Непонятно только, почему в рекламе господствует английский язык, а не русский?

Но к делу, господа, к делу!

Именно этими словами начал Дони разговор в кабинете руководителя представительства Филадельфии Грейнджера.

– Фил, я попрошу вас сделать вот что. Подайте в московскую мэрию заявку на строительство какого-нибудь предприятия. Заведомо бредовую заявку – лишь бы она состояла из как можно большего числа документов и требовалось максимальное число согласований с чиновниками...

Бывший сотрудник ЦРУ действительно хорошо знал российскую действительность.

– ...И пускай они ломают голову, совещаются, делают экспертизы, а я получу достаточно времени, чтобы выполнить поручение Абрахамса.

На всякий случай в Москву сообщили, что приедет человек от Джанни Абрахамса. Гил Бейтс как бы при этом оставался в стороне – на этом настоял он сам.

– Сколько у нас есть времени, чтобы оформить фиктивную заявку? – спросил Грейнджер.

– Сможете управиться за пару дней?

– Конечно! Возьмем из числа неосуществленных проектов, у нас целая база данных в компьютере, перемешаем, придадим правдоподобность, и передадим в мэрию. Ну, а вы? Показать вам Москву?

– Отлично! Но вот Москву мне смотреть некогда. Выделите мне кабинет, обязательно – с хорошим сейфом. Я пока поработаю за столом, в кабинете.

Не рассказывать же Грейнджеру, что Москву он знает гораздо лучше его.

Через два дня гражданин Латвии Янис Круминь пересек границу России – и Азербайджана. Предварительно Дони (он же Круминь) вполне официальным путем получил въездную туристическую визу для посещения азербайджанского города Худата и окрестностей.

Так что ни у таможенников, ни у пограничников вопросов не было.

Начиная от станции Самур поезд ехал в туннеле из высочайших деревьев. Дони не бывал никогда раньше в Азербайджане, и не видел знаменитых лиановых лесов. Худат был также окружен ими, и Дони дал себе слово обязательно сходить в лес и познакомиться с этим чудом поближе.

Выйдя на станции, он окунулся в полуденную жару. И в неумолкаемый стрекот цикад – их здесь были сотни, они сидели на столбах, стволах деревьев, на стенах домов. И стрекотали, стрекотали, стрекотали. День и ночь.

Адресат – Васильков Николай Иванович, 64-летний инвалид 2-й группы, имел весьма неопределенные координаты – город Худат, поселок Шоллар. И все. Ни улицы, ни номера дома. Так что пришлось спрашивать встречных прямо на перроне.

Поскольку Янис Круминь (он сразу представлялся всем) говорил пусть и по-русски, но с явным акцентом, к нему проникались симпатией, и быстро объяснили, что нужно идти прямо через мостик, по дороге, не сворачивать вправо на железнодорожный переезд, а миновать пригорок – и сразу вдоль дороги будет располагаться Шоллар. Это – единственная улица, поэтому и наименования не имеет. Ну, а номеров на домах нет – там все знают друг друга, и почтальон, и участковый милиционер. «Любого спросишь, дорогой, каждый скажет... Ара, зачем тебе Васильков-масильков, пойдем в парк, чай пить, коньяк, плов сделаем – потом пойдешь Шоллар, искать Васильков!»

Дони конечно же, знал о кавказском гостеприимстве. В другой бы раз... новая информация о психологии населения... но Яниса Круминя поджимало время, Васильков был срочно нужен по делу о наследстве его умершей в Латвии родственницы, понимаете ли...

Конечно, его понимали, в его положение вошли и даже проводили до узенького мостика, который был переброшен на немалой высоте и шел прямо рядом с железнодорожными путями. Дони посмотрел вниз и голова у него закружилась – узенькая шумная речка была далеко внизу от шаткого мостка.

Идя по тропинке, начинавшейся сразу за мостиком, Дони вышел на гравийную дорогу, которая, действительно, вела вперед, к пригорку. Городские домишки остались позади, справа был переезд, но сворачивать к нему Дони было не нужно.

Он поднялся на пригорок, и увидел вдоль дороги укрытые деревьями дома. «Шоллар, понял он. Теперь нужно ждать прохожего».

Солнце нещадно палило. Дони осознал на себе, что такое влажные субтропики – рубашка, влажная от пота, давно прилипла к спине, и дышать было тяжело. Он шел вперед, крайние дома были уже близко, но никого видно не было.

Тогда он спустился на обочину, пересек ее и вышел на открытое пространство, поросшее редкими невысокими, но с широченными корявыми стволами, дубами. Везде среди высыхающей травы росли стелющиеся растения с плодами, напоминающими огурцы.

Дони потрогал один из них ногой. Огурец вдруг взорвался, с треском выбросив из передней части жидкость с семенами, после чего оболочка плода опала.

Дони огляделся. Впереди, совсем рядом, виднелась поросшая камышом узенькая речка, за ней – лиановый лес. Он повернул голову назад и обнаружил велосипедиста, который ехал по дороге из Шоллара на станцию. Дони замахал ему руками, крикнул, и молодой парень-азербайджанец остановился.

Расспрашивать долго не пришлось – дом Василькова был третьим по улице справа.

Идя по улице, Дони поразился еще одному диву. Не было здесь заборов из досок, не было плетней. Со стороны улицы и между собой участки разделяли полосы каких-то высохших куч колючего кустарника, округлые кроны которого, сложенные сплошными полосами, образовывали непроходимое препятствие как для человека, так и для животных.

– Это чапар, – сказал открывший Дони ворота пожилой мужчина. Нет, естественно, необходимости описывать его внешний облик.

– А что, – с сильным акцентом спросил его Дони, – разве нельзя сделать деревянный забор?

– А вы попробуйте перелезть через чапар. И сравните с забором.

Дони потрогал сантиметровой длины острейшие колючки и покачал головой. Да-а, куда там шипам розы... Или даже колючей проволоке над забором...

Пятью минутами позже они сидели за столом внутри беседки, увитой виноградными лозами, и разбирали деловые бумаги. И все время Дони незаметно вел видеосъемку вмонтированной в часы микровидеокамерой.

Как оказалось, этот Васильков не имел отношения к умершей недавно в Риге Васильковой Ираиде Матвеевне, и наследником ее быть не мог. Ошибка!

Николай Иванович посочувствовал адвокату из Риги, проделавшему зря такой путь, и проводил его до ворот.

Билет на поезд до Москвы удалось взять легко. За оставшееся время Дони все-таки дошел до леса. Он долго рассматривал лианы, так плотно оплетающие высочайшие деревья, что подойти к стволу было невозможно примерно с расстояния десяти-пятнадцати метров. Лианы росли из почвы вверх, доходили до кроны дерева и вольготно развивались там.

Его поразило еще одно обстоятельство. Стояла полнейшая тишина, но самые высокие в лесу деревья одного вида непрерывно трепетали листьями, с внутренней стороны покрытыми белым пушком. «Белолиственницы,» – назвал деревья про себя Дони.

Позже был с уже знакомыми ему перронными завсегдатаями коньяк в парке, потом пили чай из странных пузатых стаканчиков, которые все называли ормуз.

Лежа на полке в купе поезда, быстродвигающегося в сторону Москвы, Дони думал, что идея с поиском завещателя, пожалуй, в случае необходимости оправдает себя и в украинском городе Николаеве.

Через двое суток, выспавшись в поезде, он был уже в Москве. Приняв ванну в номере гостиницы, он поехал в офис представительства Бейтса, где в своем временном кабинете взял из сейфа нужные документы, перезарядил видеокамеру, бережно уложил худатскую микрокасету в специальный контейнер, и, не заезжая в гостиницу, поехал за билетом на поезд до Николаева.

Виза для въезда на Украину ему была не нужна – теперь у него был российский заграничный паспорт. Гражданин России Янис Круминь ехал навестить родственников в городе Николаеве.

Билет удалось взять только на ночной поезд, поэтому он успел, не торопясь плотно поужинать в ресторане, где его уже с трудом принимали за прибалта – акцент его стал совсем незаметным.

В Николаеве было все то же обилие стрекочущих цикад, солнце и возможность, закончив дела, уехать назад в тот же день.

Конечно, человек, проработавший всю жизнь в русской полиции (она называлась в России милицией), мог легко заподозрить что-то неладное при встрече в украинском городе с прибалтом.

Дони решил работать скрытно.

Приехав в Николаев ранним утром, он на такси подъехал к нужному дому, сейчас сидел на скамейке во дворе перед нужным ему подъездом и, наслаждаясь утренней прохладой и первыми пока еще нежаркими солнечными лучами, ждал, когда Петр Сергеевич Кравец, пенсионер МВД, пойдет в магазин или на рынок.

Дони прекрасно знал, что такой утренний выход – неперенный атрибут жизни всех жителей южноукраинских городов.

Кравец вышел из подъезда часа через полтора – судя по времени, собрался за покупками на базар. Дони ленивой походкой шел за ним, сделал несколько снимков сзади, обгоняя – сбоку.

Позже, в троллейбусе, он сел на сидение напротив места, где сидел Кравец. Он вел съемку несколько минут и был уверен, что необходимый видеоматериал у него уже имелся.

На всякий случай он поснимал и на рынке, двигаясь то сзади Кравца, то как бы случайно идя ему навстречу.

Далее был вокзал, билетная касса. Ему повезло и на этот раз – он купил верхнее купейное место на вечерний поезд до Москвы.

Пора было обедать.

После обеда, осматривая достопримечательности города, он попал на центральную площадь, расположенную прямо на берегу реки Южный Буг. И здесь его познакомили с особенностью центрального памятника площади – на высоком постаменте была изваяна группа моряков-десантников, освобождавших город во время второй мировой войны. У их ног приник к гашеткам пулемета «Максим» матрос. Командир группы указывал рукой вперед, в сторону речного простора.

Пока Дони рассматривал скульптуру, к нему подошел абориген и как-то невзначай рассказал, что первоначально памятник стоял не так – командир показывал на здание обкома КПСС. А пулеметчик готов был открыть огонь.

Николаевцы стали подшучивать, что, мол, немцев побили, пора браться за бюрократов-коммунистов. На эту цель, мол, и указывает командир.

Вскоре памятник развернули фасом к реке.

Еще через двое суток Дони ехал в купе поезда Москва-Барнаул.

Он никогда не любил самолетов – предпочитал, когда была возможность, путешествовать по железной дороге. Во время поездки всегда можно было отдохнуть, ну, или просто как следует выспаться.

Оставался последний из трех – Монасюк Анатолий Васильевич. Житель Барнаула, шестидесятилетний пенсионер и бывший школьный учитель.

Глава 8-я

Тем временем лаборатория изготовления сверхсложных процессоров (иначе – цех вакуумных камер) претерпела разительные перемены.

Значительное пространство вокруг пятой вакуумной камеры было освобождено – несколько камер демонтированы и перенесены на другие места, вокруг пятой были возведены звуконепроходимые стены от пола до потолка.

Внутри образовавшейся комнаты у одного угла оказалась камера, над ней был помещен огромный экран компьютерного дисплея. Напротив, в противоположном углу был такой же экран, под ним – кресло и стол. Рядом располагалось считывающее лазерное устройство, второе, такое же – возле камеры.

Сейчас в помещении для переговоров – а это было прекрасно подготовленное помещение для переговоров, причем лазерный считыватель, предназначенный для работы с губами человека, сидящего за столом, был опробован, и показал отличные результаты. Русский техник, который участвовал в создании лазерной аппаратуры, сел за стол, бойко говорил по-русски, на его рот были направлены лучи сразу нескольких лазеров, а на экране над головой говорившего по экрану дисплея бежали строчки буквенного текста.

Когда придет время, и разговаривать придется с головой в камере, она сможет видеть на экране перед собой то, что ей говорит собеседник.

Такое же устройство (правда, не опробованное на практике, – и голова давно уже не появлялась в пятой камере, да и если бы появлялась – было решено лазерами ее пока не облучать) было смонтировано возле стола.

Фостер Дони вернулся из далекого сибирского Алтая через пять дней – назад он прилетел самолетом.

Как только была обработана последняя видеозапись с изображением Монасюка, из Изумрудной долины сообщили, что голова вновь появилась, но молчит – то есть, губами не шевелит, а как будто чего-то ожидает.

В огромном кабинете на тридцать втором этаже здания, в котором размещалось женеvское отделение корпорации Бейтс Индастриз, собрались Гил Бейтс, Джанни Абрахамс и Фостер Дони.

Перед ними на экране медленно вращались вокруг оси сразу три человеческие фигуры – Монасюка, Василькова и Кравца.

Несмотря на различную одежду, небольшую разницу в росте и некоторые возрастные особенности (а они были, хотя разница в возрасте между собой у всех кандидатов не превышала и десяти лет) все мужчины на экране были разительно похожи. Особенно это касалось их лиц.

Гил Бейтс пожелал лично сопровождать Фостера Дони с визитом к иррациональной голове. По дороге из Женевы в Изумрудную долину, сидя рядом на сидении просторного лимузина, Дони спросил:

– Мистер Бейтс, может быть, вы посвятите меня до конца в эту историю? Из-за чего такой переполох – поездки по различным странам, траты средств, наконец, какая-то нездоровая спешка – что, все-таки, происходит? Что вам до этой головы, да еще и какого-то русского?

Бейтс молчал. Он смотрел в окно на пронесившиеся деревья, холмы вдаль, пасущихся на лугах коров. Потом негромко сказал:

– Знаете, Фостер, вы скорее всего узнаете все. Но тогда, когда для этого придет время. А пока... Давайте помолчим. И мысленно взовем к богу, чтобы один из трех оказался тем, кого

ждет наша гостья из вакуума. Ведь русские живут и в остальных государствах, которые когда-то все вместе составляли Советскую Россию, и если ни один из трех не окажется тем, кого мы ищем, придется все начинать сначала, и искать теперь уже чуть ли не в десятке бывших советских государств. Я имею в виду базы паспортных данных... А это – плохо, поверьте мне.

Но искать больше никого не пришлось.

Дони сел за стол напротив камеры, в середине которой как бы висела голова. «Неприятное вообще-то зрелище, – подумал он. – Нечто из фильмов ужасов». На экране над головой Дони вспыхнуло изображение трех мужчин в полный рост, они медленно двигались, словно бы демонстрируя себя. Заработали лазеры, невидимые лучи касались губ Фостера Дони и гостя.

Стараясь говорить без акцента, Дони медленно произнес:

– Вы просили найти вас. Посмотрите, пожалуйста, есть ли здесь среди трех мужчин вы.

На обоих экранах загорелся текст на русском языке.

– Это номер три, – голова шевелила губами, а на экранах появились три русских слова. – Теперь вы должны сделать так, чтобы на вашем месте сидел этот человек. Я буду говорить только с ним.

Вакуумная камера внезапно опустела. Без звука, без искорки или вспышки света. Просто вдруг оказалась пустой.

И опознание, и переговоры завершились неожиданно быстро.

Опознанным оказался житель алтайского города Барнаула Монасюк.

Проблема была решена, однако так только казалось. На самом деле она еще только-только осознавалась Бейтсом.

Вопрос – а каким образом можно сделать, чтобы Монасюк Анатолий Васильевич оказался в Изумрудной долине в кресле перед вакуумной камерой номер пять?

Действительно, как?

Правда, сны уже не мучили Бейтса, но он в глубине души знал, что это – всего лишь отсрочка. И нужно было спешить – ему даже вспомнить было страшно, то, что снилось ему еще недавно, а уж переживать вновь такое из ночи в ночь – казалось страшнее смерти.

Сразу же после недолгого свидания с головой Гил Бейтс вместе с Фостером Дони заперлись в кабинете здесь же, в Изумрудной долине, и Бейтс ввел Дони в суть дела.

Конечно, он не рассказал ему всего. Но о своих снах и предсказании цыганки поведал, причем сделал особый упор на слова: «Неживой и живой могут помочь. Неживой научит, как, живой сделает. Если захочет».

– Вы теперь понимаете, что значит для меня эта голова. Если они с вашим Монасюком – те самые Неживой и Живой, то Монасюк – тот, кто поможет мне. И не одному мне. Но он должен это захотеть сделать по доброй воле. Как мы можем этого добиться?

Бейтс надолго задумался.

У Фостера Дони сейчас был тот самый колючий неприятный взгляд, который совершенно преобразил его. Растягивая слова, он ответил:

– Мистер Бейтс, сэр... Для начала придется поехать в этот Барнаул еще раз. И пригласить его на работу, как говорят в России – за границу. За большие деньги.

Он – пенсионер, сэр. И далеко не старый – вы же сами видели. Думаю, проблем не возникнет.

На этот раз Бейтс думал недолго:

– Я дам распоряжение, чтобы вам в Москву перевели дополнительные средства. С документами у вас нет проблем, насколько я понял из вашего рассказа о поездке в Россию?

– Нет, сэр. Необходимые документы у меня есть – кое-что я сохранил с прежних времен.

– Помните о главном, Фостер. Никакого давления, все должен решить он сам, добровольно и без какого-либо принуждения.

Я распоряжусь, чтобы вас доставили в Женеву.

Незадолго до этих событий необычные явления затронули еще один уголок планеты – Гималаи.

Здесь внезапно глубоко внутри земной коры произошло нечто, до сих пор аналогов в истории науки не имеющее.

Внешне, на поверхности, это выразилось в легком дрожании горного массива, причем если бы кто-то мог наблюдать в это время с высоты происходящее, он изумленно заметил бы, что дрожанием охвачены скалы, хребты и горные перевалы как бы по некоей изогнутой местами линии. Дрожали не горные массивы целиком, колебания затронули лишь узкую длинную как бы полосу гор.

Те из жителей горных поселков, кто оказался на этой линии, не испытали особых неприятностей – повторимся и напомним, что колебания коры были несильными. Но люди явственно ощущали, что дрожание имело некую закономерность – оно напоминало раскачивание лодки, которое осуществляли два человека – то один тянул лодку за борт на себя, то это же делал второй, а в результате лодка раскачивалась из стороны в сторону. Говоря проще – дрожание гор имело явно выраженное направление колебаний в горизонтальной, но не в вертикальной плоскости. При этом явственно можно было различить четкую ритмичность, с которой раньше жители гор, к землетрясениям привыкшие, никогда не сталкивались.

Недоумение их было усилено совершенно необычным поведением животных и птиц. Во-первых, животные всегда заранее чувствуют приближение земных катаклизмов и убегают, но в этот раз...

Лишь после начала колебаний животные и птицы начали реагировать на приближающееся бедствие – птицы полетели, животные побежали. Но все они двигались вдоль этой невидимой линии колебаний, словно привязанные к ней – они не могли ни пересечь ее, ни удалиться от нее в сторону.

Явление это продолжалось не более пяти минут, после чего внезапно прекратилось.

И вновь животные повели себя необычно – они все разом успокоились и не спеша вернулись в места обычного обитания.

Газеты уделили происшествию в Гималаях не слишком пристальное внимание. Лишь два издания опубликовали интервью на эту тему. Корреспондент религиозного журнала «Голос Будды» сумел побеседовать с далай-ламой, и тот сказал, что необычность явления свидетельствует о проявлении воли Будды. «Мы будем денно и нощно молиться, чтобы понять его волю», – сказал верховный служитель.

Наоборот, весьма светская газета «Радуйтесь, люди!» (такие еще называют бульварными) поместила пророчество некоего колдуна-отшельника, живущего где-то в горах и почему-то вдруг объявившегося прямо в редакции газеты. Колдун (имя его не называется) сказал, что в Гималаях на границе Шамбалы столкнулись две древнейшие силы – Добра и Зла. Они не сражались – они просто столкнулись, и теперь в этом месте проходит граница влияния этих сил.

На вопросы отшельник отвечать отказался, но сказал, что эти силы чужды нашему миру, и если они не исчезнут – грянут страшные бедствия. Здесь журналист добавил свои комментарии – мол, это всегда так – раз столкнулись Зло и Добро – жди Армагеддона.

Заметка заканчивалась весьма фривольно – газета призывала радоваться жизни, пока не грянул гром, и поместила далее рекламы нескольких ночных клубов, в том числе – массажных и стрип-заведений.

Поздний май в Западной Сибири почти всегда – время жаркое. Но одновременно и весьма приятное – цветет повсеместно сирень, и сладковатый чарующий аромат цветов заполняет все. В городе Барнауле вечерами за столиками открытых кафе молодежь потягивает пиво, гуляющие заполняют городские аллеи, над которыми шумят кроны тополей и берез.

Великолепное время! Время, когда расцветают бутоны жизни, жизни во всех ее проявлениях.

Но все это мало волновало Анатолия Васильевича Монасюка. Он был домоседом, а сейчас, когда он, наконец, мог посвятить себя писательскому труду, он то сидел за столом с ручкой в руке, то – перед экраном компьютера, бойка стуча по клавишам клавиатуры.

Анатолий Васильевич начал писать роман. О жизни в советское время, которое представлялось ему идеальным.

Но роман – романом, а, как говорится, кушать хочется всегда. Взяв авоську и деньги, Анатолий отправился в магазин за покупками – в доме кончился хлеб, да и молочных продуктов нужно бы прикупить...

С этими незатейливыми мыслями он вошел в супермаркет, взял батон, упаковку масла и пакет молока и направился к кассе.

Работали две кассы, Анатолий встал в очередь, и тут какой-то неопрятно одетый мужчина грубо оттолкнул его и полез без очереди. В руках он держал две бутылки пива, а разило от него, как от пивоваренного завода.

От толчка Анатолий Васильевич выронил магазинную проволочную корзинку с продуктами, с трудом (расстояние от прилавка с кассами и турникетом было небольшим – все было сделано по принципу: в тесноте, да не в обиде) наклонился и стал собирать свои продукты. Тут кто-то быстро помог ему, потом со словами: «Ты чего это делаешь, дерьмец?» ухватил за шиворот пьянчугу и водворил его обратно от касс внутрь магазина. «Стань в очередь, как все, понял?»

Казалось, наказанный даже не осознал, что произошло – он вообще вряд ли понимал, за что подвергся наказанию. Не протестуя, он стал в очередь.

Тем временем заступник помог выпрямиться Монасюку и спросил его: «Вы как, не ушиблись? Пьянь чертова!»

Говорил мужчина с легким акцентом.

Анатолий Васильевич ответил нечто в смысле, что все в порядке, большое спасибо, не стоило, мол, и так далее.

После чего Монасюк расплатился и пошел домой, уже через минуту забыв о случившемся с ним.

Прошло два дня, и когда Анатолий Васильевич в очередной раз пошел в супермаркет за продуктами, он, входя, столкнулся в дверях с мужчиной, который выронил из-за столкновения бутылку водки.

Водка упала на асфальт, бутылка разлетелась вдребезги, а Монасюк узнал в пострадавшем того, кто совсем недавно оказал ему помощь и кому он, в общем-то, был обязан.

– Что же это такое, – сказал с отчаянием в голосе пострадавший. – Что за день – все вперемешку. Хотел отметить удачу, и вот тебе, пожалуйста!

Монасюк почувствовал себя виноватым вдвойне. Русский человек, лишив другого водки, уже чувствует себя сильно виноватым, но испортить человеку праздник, это уже, что называется, ни в какие ворота...

Далее воспоследовало то, что опять-таки возможно скорее всего именно в России – Монасюк и Янис Круминь, житель города Славгорода (и Барнаула, и Славгорода – города Алтайского края) познакомились, купили не одну, а две бутылки водки, и отправились к Анатолию Васильевичу отметить знакомство, выпить и поговорить.

Вскоре на кухонном столе (в России любимое место для дружеских посиделок за рюмкой – именно кухня) стоял летний салат из огурцов и помидоров, шкворчала яичница-глазунья, приятно пахла нарезанная колбаса, а в кастрюле на плите, издавая аромат, варилась, булькающая, картошка.

После нескольких рюмок разговор пошел ни о чем – и одновременно, обо всем.

Янис, акцент которого был почти незаметен, рассказал, что его отец был офицером-летчиком, служил в Славгороде, но теперь живет в Латвии – вернулся на родину, уйдя на пенсию. А Янис остался. И вот сейчас он получил работу за границей, в Швейцарии, сам он шофер, и родственники сумели пристроить его в крупную транспортную фирму. Зарплата – раз в десять больше, чем у нас, в России, если, конечно, валюту перевести в рубли.

Анатолий Васильевич на это ответил, что ему хватает денег и здесь, на родине. Пенсия, правда, небольшая, но ему немного помогает зажиточный родственник.

– Главное, – говорил Анатолий Васильевич – покой и возможность делать то, что я хочу. Вот сейчас пробую написать роман...

– А не поздно начинать в таком возрасте? – удивлялся подвыпивший уже Круминь.

Монасюк принес свои книги по философии и ответил, что нет, мол, начал-то он давно, вот эти книги, написанные около десяти лет назад, есть даже в библиотеке конгресса США.

Пока он ходил в туалет, его собутыльник зачем-то быстро переписал названия и выходные данные книг на салфетке, которую спрятал в карман.

Анатолий вернулся, и они выпили под горячую картошечку с селедочкой еще по паре-тройке рюмок. Стало совсем хорошо, разговор пошел еще более свободный.

Выяснилось, что Янис знает несколько иностранных языков. На что Анатолий сообщил, что несколько лет назад неожиданно стал экстрасенсом и тут же продемонстрировал силу своей биологической энергии – положил на раскрытую ладонь листок бумаги, и тот немедленно начал сворачиваться в трубочку.

По мере того, как пустела вторая бутылка, разговор принимал все более сумбурный характер, и сводился в основном к тому, почему Монасюк не хочет поехать на работу за рубеж.

Словно бы кто-то Анатолию это предлагал.

Как бы то ни было, когда Янис Круминь вышел от своего нового знакомого на улицу и вдохнул напоенный сиреневым ароматом вечерний прохладный воздух, он с сожалением думал, что тот – упертый мужик, и вряд ли поедет куда-нибудь из этого уютного мирка, который себе создал. Причем – ни за какие деньги не поедет.

С таким результатом на другой день он возвращался в Женеву.

Сейдзе Сото беседовал с племянником в своем кабинете. На этот раз Тахиро было позволено сесть в кресло в присутствии дяди.

Как и у Бейтса, у Сейдзе Сото некоторое время не было сновидений, он хорошо высыпался, и был, как никогда, здоров и бодр.

Тахиро прилетел из Джакарты рано утром, и сразу же приехал в офис дяди.

– Рассказывай все по-порядку. Сначала – как дела у Тогу Накаямы в Джакарте?

– Пока он не смог узнать ничего нового. Мио Неру он разыскать не смог, обслуга дома Неру после отъезда хозяина разъехалась к родственникам – они устроили себе отпуска. Нанятый для охраны дома сторож – ничего не знает, он новичок, его наняли для этой работы со стороны, на время.

– А что на Того-Паго? И на этом новом острове?

– Там происходит что-то странное, дядя. Недельку штормило, а как только шторм утих, от острова в сторону Робертсвила пошла стена тумана. Аборигены говорят, что это – впервые с тех пор, как остров поднялся со дна океана.

Но нам удалось узнать, что Каладжи Неру – там, на острове. А с ним – местный колдун – Туси. Проговорился один пьянчужка. И после этого – исчез. Может быть – утонул.

Я думаю, нужно подождать немного и идти к острову на лодке. В конце-концов, компас у нас есть, поплаваем, поищем, если нам повезет – найдем и остров, и Каладжи.

Сейдзе помолчал, подумал. У него было хорошее настроение, да и племянник, чувствовалось, старается.

– Тахиро, возвращайся. Пусть Накаяма продолжает работать в Джакарте, пока не узнает все о Мио Неру. Бесследно человек исчезнуть не может – пусть ищет эти следы.

А вы на Того-Паго дождитесь все-таки, пока сможете увидеть остров. Нельзя идти в океан в тумане, наугад – с океаном не шутят. Ждите. У нас есть время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.